

собрание сочинений

ВЛАДИМИР ШИГИН

исторический роман

ЧЕСМА

Морская слава России

Владимир Шигин

Чесма (Собрание сочинений)

«ИП Каланов»

1982—1988

Шигин В. В.

Чесма (Собрание сочинений) / В. В. Шигин — «ИП Каланов»,
1982—1988 — (Морская слава России)

Исторический роман «Чесма» занимает в творчестве Владимира Шигина особое место. Именно с этого романа, который был написан непосредственно на кораблях Балтийского флота, и началось становление этого будущего известного российского писателя мариниста. Роман «Чесма» рассказывает об одном из самых интересных и героических событий в истории русского Флота – Первой Архипелагской экспедиции 1768–1774 годов. Именно тогда русский флот впервые вырвался за пределы Балтики, одержав на Средиземном море немало блестящих побед и среди них разгромив неприятеля при Чесме, где был сожжен полностью весь турецкий флот. Помимо этого, десантные отряды русских моряков сражались в материковой Греции, где захватывали турецкие крепости. Именно тогда Андреевский флаг был поднят над Бейрутом, который взяли штурмом русские моряки. Среди героев книги императрица Екатерина Вторая и граф Алексей Орлов, адмиралы Алексей Спиридов и Самуил Грейг, brave флотские офицеры Иван Круз и Дмитрий Ильин... Впервые автор рассказывает и о совместных боевых действиях русских моряков и греческих корсаров, и их знаменитом предводителе Ламбро Качиони. Роман «Чесма», по праву, заслужил самую высокую оценку, как у читателей, так и у критиков. Можно привести только один факт – в 1994 году роман начинающего писателя вышел в престижном знаменитом «Роман-Журнале», где тогда печатали только самых известных писателей. Книга написана в легкой и увлекательной форме, со многими интересными бытовыми деталями той далекой эпохи. Как и все книги Владимира Шигина, роман «Чесма» читается на одном дыхании.

© Шигин В. В., 1982—1988

© ИП Каланов, 1982—1988

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	22
Глава третья	28
Глава четвертая	34
Глава пятая	45
Глава шестая	51
Часть вторая	56
Глава первая	56
Глава вторая	65
Глава третья	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Владимир Шигин

Чесма

©Владимир Шигин 2020

Часть первая

Эскадра поднимает паруса

Глава первая

Как политическая поговорка скажет о государствах, морского флота не имеющих, что те токмо одну руку имеют, а имеющие флот – обе...

Петр I

То было время кровавой конфедератской смуты. Время, когда с южных рубежей нашего Отечества готовились к походу на Москву турецкие полчища, подстрекаемые Версалем. Россия не желала той войны, но она приняла вызов...

Шел декабрь 1768 года. Завершив морскую кампанию, корабельный Балтийский флот разоружался в гаванях, готовясь к зимовке. Корабли спускали вымпела. Командир Кронштадтского порта вице-адмирал Григорий Андреевич Спиридов работал у себя в каюте, подписывая рапорта о солонине, тулупах, дровах. Однако мысли его были далеко от этого. Адмирал понимал, что России предстоят долгие годы борьбы за выход к Черному морю, и его волновал вопрос, какая роль уготована в нынешней войне флоту. Но пока у командира порта было лишь составление нудных докладов о состоянии судов, консилиии по поводу и без повода да всевозможные хозяйственные дрязги. От этих дел на душе адмиральской было в тот вечер пусто и тоскливо. Спиридов окинул взглядом салон: обитые золотой замшей переборки, вечно заваленный картами стол, графин, втиснутый намертво в штормовое гнездо, бронзовый канделябр да продавленный диван черного сафьяна – приевшаяся за долгие годы обстановка. В кормовой части салона задрапированные два ретиранных орудия. Во время боя адмиральский салон становится обычной артиллерийской батареей. При этом норматив приготовления к бою пушек в салоне не более семи минут, при этом убирались и разборные переборки.

Отложив в сторону перо, он в раздумье глянул в окно: за стеклом растекался дождь. С вахты били склянки.

«Пять пополудни», – отметил про себя адмирал.

В дверь негромко постучали. Затем еще и еще. Не выдержав, заглянули.

– Ваше превосходительство! Курьер из Петербурга!

– Зови! – Спиридов повернул голову.

Через минуту перед ним стоял в щегольски завитом парике и в белом парадном мундире генеральс-адъютант адмиралтейств-коллегии Селифонтов. – Вам пакет от коллегии! – Курьер протянул конверт, щедро обляпанный сургучными печатями.

Небрежно надорвав пакет, адмирал пробежал глазами по бумаге и, вздохнув, отложил ее в сторону. На завтра его вместе с командующим Кронштадтской эскадрой контр-адмиралом Сенявиным вызвали в заседание.

Свечи, нагорев, едва моргали. За окнами быстро темнело...

Поутру, захватив Алексея Сенявина, Спиридов отправился в столицу. От Кронштадта до Петербурга путь недолгий, всего несколько часов хорошего хода под парусами. Адмиральский катер легко рассекал мутную рябь залива, лавируя меж первых льдин. Коротая время, Спиридов покуривал трубку и вспоминал события недавнего времени.

Григорий Андреевич Спиридов

Ветераны петровских баталий, дожившие до шестидесятых годов восемнадцатого века, стали свидетелями возрождения российского флота. Созданная «для приведения флотов в должное состояние» комиссия явилась венцом деятельности целого поколения русских моряков. Возглавившие ее работы адмиралы Мордвинов, Льюис, Нагаев и Милославский взялись за дело флотского переустройства серьезно¹. Семен Мордвинов, мозг комиссии, на первом же заседании заявил:

– Задачу нашу вижу в изыскании мер к тому, чтобы сделать и во всегдашней исправности содержать флот наш!

А вскоре представил он отчет о состоянии судов и портовых сооружений. Почитали адмиралы бумагу, грустно покачали париками. Все предстояло начинать почти сызнова.

Достигнув к середине двадцатых годов восемнадцатого века расцвета, Балтийский флот внушал своей грозной мощью уважение и страх многим европейским державам. Но умер Петр, и зачахло его любимое детище².

Алексей Иванович Нагаев

О моряках забыли совсем. Когда же они докучали просьбами, отвечали сердито:

– Житья от вас, флотских, не стало. Ступайте себе да служите с Богом!

И уходили, матерясь, морские волки Петра Алексеевича, глуша обиду и боль сердец своих в кабаках.

– Эх, кабы жив был государь!

– Эх, кабы немчуру треклятую под зад да назад!

¹ С.И. Мордвинов (1701–1777) – один из видных русских флотоводцев. Первый георгиевский кавалер в России. С 1762-го по 1770 год – вице-президент адмиралтейств-коллегии; В.Ф. Льюис (1689–1769) – один из видных флотоводцев Петра I, с 1757 года – член коллегии.

² К концу царствования Петра I Балтийский флот насчитывал 34 линейных корабля, 9 фрегатов, 77 галер, большое количество мелких судов. Однако уже в ноябре 1728 года шведский посол доносил в Стокгольм: «Старые корабли все гнилы, так что более четырех или пяти... вывести в море нельзя, а постройка новых ослаблена...»

– Давай, половой! Лей, не жалея, нонче флотским на Руси делать нечего! Потом плавать запретили и вовсе, дескать, незачем корабли понапрасну портить.

Адмиралтейств-коллегия занималась вопросами иными:

«По жалобе мичмана Мусоргского на капитан-лейтенанта Верха, поколотившего его палкой по голове до крови, в чем запырался виновный, определено исследовать...» «Гардемарин Бредихин, постриженный в монахи, взятый опять на службу и определенный флигель-адъютантом, по его просьбе снова пострижен в монахи...»

«Писано в Гамбург о приискании шести трубочей, которые на трубах бы и валторнах, так и на скрипках и гобоях и протчей подобной музыке были искусны...»

Служение на флоте стало считаться делом постыдным и недостойным настоящего дворянина. Трудно себе представить, но общий оклад всех русских моряков был тогда менее оклада одной гвардейской роты!

Именно в то тяжелое время совершил акт высочайшего патриотизма и самопожертвования капитан 1-го ранга Григорий Спиридов.

Обоих своих малолетних сыновей отправил он в морской корпус на полугодный кадетский пай, на холод и порку с твердой верой сделать из них настоящих моряков. Следуя его примеру, тогда же отдали сыновей в моряки адмиралы Мордвинов и Нагаев. Так зарождались морские династии России.

Забвение флота продолжалось более тридцати лет, пока не настал славный год 1762.

Только что взошедшая на престол императрица Екатерина II всерьез заинтересовалась состоянием флота. Британские агенты, имевшие особый нюх на морские дела, встревоженно депешировали в Лондон: «Честолюбие императрицы сделать Россию морской державой весьма сильно: в настоящую минуту ничто не занимает до такой степени ее мысли, служа в то же время выражением желаний народа, как стремление довести до значительных размеров морские силы России».

Екатерина II Алексеевна

К неутешительному выводу по состоянию флота Екатерину II привело присутствие ее на показательной бомбардировке крепости кораблями Кронштадтской эскадры. Результаты бомбардировки Екатерина описала в своем дневнике так: «До 9 вечера стреляли бомбами и ядрами, которые не попадали в цель... Сам адмирал (С.И. Мордвинов. – В.Ш.) был чрезвычайно огорчен таким ничтожеством... Надобно сознаться, что корабли походили на флот, выходящий каждый год из Голландии для ловли сельди, но не на военный».

Новосозданная комиссия работала полным ходом. Энергичные адмиралы не щадили ни себя, ни других. Определяли новые штаты, строили верфи, закладывали корабли.

Семён Иванович Мордвинов

Обновили и сам состав коллегии. Старых и немощных безжалостно разогнали, оставили только молодых да толковых. Императрица Екатерина II, стараясь дать флотоводцам самостоятельность, заявила адмиралам:

– Что служба флотская знатна и хороша, то всем известно, но, насупротив того, столь же трудна и опасна, почему более милость и почтение заслуживает. На все преобразования даю вам мильон двести тыщ рублей ежегодно, но более не просите. Как тратить их, думайте сами, на то вы во главу флота поставлены.³

А чтобы адмиралам много думать не пришлось, приставила Екатерина к коллегии генерал-поручика и камергера Ивана Григорьевича Чернышева, лично ей хорошо известного.

Сесть-то в кресло граф Иван сел и из генерал-поручиков в вице-адмиралы по указу переделался, но грамотнее от этого в деле морячком никак не стал. Однако, будучи человеком умным, выход граф все же нашел. Дела морские оставил он за Мордвиновым, а сам занялся вопросами политическими, в которых чувствовал себя, как рыба в воде...

Сообщения за август – сентябрь 1768 года из Первой наступательной армии генерала Голицына под Хотинном:

22 августа. Утром по мосту у селения Алай-бей переправились до четырех тысяч турок, которые немедленно были обращены в бегство стремительным штыковым ударом. Неприятель потерял при этом более 500 человек. У нас же убиты 18.

Иван Григорьевич Чернышёв

29 августа. С рассветом неприятель начал по мосту переходить на нашу сторону реки и выстраиваться для генеральной атаки. В седьмом часу турки открыли пальбу и атаковали конницей, но были отбиты артиллерией полковника Мелисино и бежали так стремительно, что опрокинули стоявшую позади пехоту. В конце 8-го часа неприятель атаковал вновь, завладел

³ Согласно штатам 1764 год, а Балтийский флот должен был иметь в мирное время – 21 корабль, 4 фрегата, 1 бомбардирский корабль, 50 галер; в военное время – 32 корабля, 8 фрегатов, 4 бомбардирских корабля, 150 галер.

двумя нашими пушками и окружил полки Санкт-Петербургский и 4-й гренадерский. Но генерал Салтыков, собрав разрозненные отряды, отбил турок и освободил оба полка. Несмотря на ярость, неприятель всякий раз был отражаем. Атакованный нашей кавалерией, он растерялся и потом, осознав свое бессилие, бросился врозь, спасаясь, кто где может. Кавалерия наша преследовала неприятеля и тем еще более довершила его совершенное поражение.

6 сентября. Отряды полковников Кашкина, Сухотина, Игельстрема, Кречетникова и Вейсмана атаковали турецкое предместное укрепление у крепости Хотин и выбили неприятеля оттуда штыковым ударом. Урон турок – в несколько тысяч человек. Наши потери – 94 человека.

...За воспоминаниями незаметно промелькнуло время. Катер входил в Неву. Ветер поменялся на противный, и гребцы теперь что есть силы налегали на весла. На набережной адмирал пересел в поджидавший его возок. Потянулись по сторонам прямые, будто очерченные штурманской линейкой петербургские улицы. Плавно качались кожаные рессоры. Вот наконец и арочный проезд Адмиралтейства. Над каменной башей, в вышине, распустив парусакрылья, парил золоченый кораблик. Территория Адмиралтейства была сплошь изрыта каналами, застроена мастерскими и складами. Пушечные станки и такелаж, компасы и рангоут – все изготовляло Адмиралтейство. У среза воды высились остовы будущих кораблей.

Поднимаясь по мраморной лестнице, столкнулся Спиридов с пожилым офицером в выдавшем виды камзоле. Шагнул было мимо.

– Здоров, Гриша! Али не признал?

Обернулся вице-адмирал – и остолбенел: перед ним стоял Ваня Синд, друг юных мичманских лет. Только черным от пройденных дорог стало лицо да разбежались по нему во все стороны глубокие морщины, будто трещины от удара. Обнял друга Спиридов, расцеловал троекратно.

– Здравствуй! – сказал. – Откуда ты?

– С берегов окяна Восточного.

– Надолго ли в столицу?

– Через несколько дней в путь обратный.

Синд спешил сдавать привезенные бумаги в архив, Спиридов – в заседание, и друзья договорились встретиться вечером.

Когда вице-адмирал вошел в совещательную залу, все были в сборе, поджидая лишь графа Чернышева. Негромко переговариваясь промеж собой, адмиралы обсуждали последнее донесение кавторанга Креницына о ходе экспедиции по камчатским рекам, рассуждали о недавних случаях морского разбоя на Каспии, однако более всего разговор шел, конечно же, о войне..

Вокруг огромного, в форме якоря стола нервно расхаживал худой и болезненный вице-президент коллегии Семен Мордвинов, хмуро поглядывая на окно, где нудно жужжала последняя осенняя муха. Небрежно расчесанный парик да усталые, в красных прожилках глаза говорили о бессонных адмиральских ночах. Завидев Спиридова, Мордвинов жестом подозвал его к себе и без всяких вступлений принялся чинить обстоятельный допрос о состоянии Кронштадтской эскадры.

Еще неделю назад участвовал граф Иван Чернышев в секретном совещании по поводу разрыва отношений с Высокой Портой. Помимо Чернышева и его брата Захара, на нем присутствовали императрица, Григорий Орлов да вице-канцлер князь Голицын. На совещании было решено, что необходимо создавать сильную флотилию на Дону и Азовском море. Иван Чернышев задачи будущей флотилии резюмировал так:

– Для завоевания моря Азовского, а затем для нападения на Керчь с Таманью и овладения оными. Дабы зунд Черного моря получить в свои руки, а тогда уже пойдем до самого царьградского канала и устья дунайского!

На должность командующего флотилией имелись два достойных кандидата – адмиралы Спиридов и Сенявин⁴.

Алексеи Наумович Сенявин

Первый из них знал Дон и Азовское море как свои пять пальцев, воевал в тех местах ранее изрядно. Второй был моложе, честолюбивее, Дон тоже знал неплохо, а в делах хозяйственных мог заткнуть за пояс любого. Да и фамилия сенявинская на флоте российском всякому известна. Когда-то царь Петр говорил об отце Алексея Науме Сенявине:

– Прилежание и верность превосходят!

То же теперь можно было сказать и о сыне. Против кандидатуры Спиридова категорически высказалась Екатерина, и выбор был остановлен на флагмане Кронштадтской эскадры.

– Уж коли решили ставить Сенявина на Донскую экспедицию единогласно, – подвела итог азовскому вопросу императрица, – то прошу всех вас сего ревностного флагмана снабжать всем, в чем только он может иметь нужду и надобность. Затем слово взял дотоле молчавший Григорий Орлов:

– Есть у нас с братом Алексеем задумка необычайная! Ежели нам отряд корабельный к Геллеспонту отрядить в виде вояжа, чтобы турок пугнуть хорошенько диверсией да эллинов на восстание против османов поднять. Но боюсь, не доплывут флотские, перетонут дорогой.

К мысли своей, высказанной в этот день впервые вслух, фаворит пришел давно, бывая по делам службы в конторе опекунов иностранцев и беседуя там с выходцами из Греции. О том же писал ему находившийся в Италии Алексей Орлов, главный автор этого проекта.

Григорий Григорьевич Орлов

Екатерина вздохнула.

⁴ А.Н. Сенявин (1716–1797) – участник многих войн, с 1766-го по 1768 год – генерал-казначей при адмиралтейств-коллегии, в 1768 году – флагман Кронштадтской эскадры, с 1768-го по 1774 год – командующий Азовской флотилией, полный адмирал.

– Тут, друг мой, думать крепко надо, чтоб перед всем миром не осрамиться! Сие есть дерзкая политическая акция, доселе неслыханная! Так ли, Иван Григорьевич?

Чернышев, застигнутый врасплох, заявил честно:

– Матушка, ничего не могу сказать тебе сейчас. Вот соберу адмиралов, обмыслим мы все, тогда и доложу по всей форме и расчету, а без оного сие просто авантюра будет.

Императрица помолчала, затем подняла на Чернышева свои голубые близорукие глаза.

– Прodelывали ведь мы вояж фрегата «Надежда Благополучия» до берегов италийских весьма удачно, но целый флот посылать – дело иное. Вопрос сей надобно всем нам обмыслить государственно. Мы должны взвесить все до мелочей! ⁵

Совещание продолжалось, и чем дольше члены высокого совета говорили, тем больше обнаруживалось, что о Греции и о самих греках они не имеют практически никакого представления. Невероятно, но это исторический факт. Вице-канцлер князь Голицын, напряженно морща лоб, вспомнил, что греки по вере своей есть православные христиане. А сама императрица после некоторого раздумья припомнила древнюю Спарту:

– Сии греки – потомки воинственных спартанцев, и доблесть оных должна быть им присуща...

Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский

Повторно совет по «греческому проекту» Григория Орлова собрался спустя неделю. За окнами уже стояла холодная балтийская осень, моросил дождь и ветер носил по булыжникам мостовой последние листья.

Теперь разговор шел уже по-деловому, с обсуждением всех тонкостей проекта. Прежде всего послушали Голицына, сообщившего о состоянии различных народов, желающих по единому идти под российский скипетр. Далее горячо говорили Григорий Орлов и Захар Чернышев. Его брат Иван больше отмалчивался. Не теряя времени понапрасну, Захар тут же подал императрице проект об учреждении особого греческого легиона. Против проекта и в целом против греческой затеи высказался лишь президент Иностранной коллегии Никита Иванович Панин, приглашенный Екатериной на это совещание. В своих убеждениях Панин был тверд:

– Идея сия сумасбродна и погибельна для нас по самой своей сути!

– Одна наша морская диверсия, с подкреплением ее маинскими портами для морского убежища, уже сама по себе довольна привести Высокую Порту в ужас и потрясение!

После слов таких остался у президента Иностранной коллегии последний, но весьма веский довод:

– Каково англичане отнесутся к проекту орловскому, то нам еще не ведомо, а ведь шкадре балтийской плыть мимо их берегов придется.

⁵ Экспедиция фрегата «Надежда Благополучия» (командир – капитан 2-го ранга Ф.С. Плещеев) была организована по прошению тульских купцов. Помимо торговых дел, в ходе ее были выяснены особенности плавания судов в южных водах и проведена разведка Средиземноморского театра военных действий.

– Над этим, Никита Иванович, я и сама все время думаю, но ведь многое здесь будет зависеть от нас с вами!

Екатерина подошла к набычившемуся Панину и заговорщически подмигнула.

– Конечно, ваше величество, я сделаю все, что смогу! – с неохотой согласился хитромудрый политик.

– А вы, Иван Григорьевич, – обратилась императрица уже к младшему Чернышеву, – представьте мне самый подробный мемуар о предполагаемой эскадре от адмиралтейств-коллегии да поспешайте, дело не ждет!

На том и закончили.

Никита Иванович Панин

Но императрица уже все для себя решила и теперь сама с жаром нападала на строптивца: с того времени Иван Чернышев покой и сон потерял. И так думал и эдак, с глазу на глаз совещался с Мордвиновым. Но как они ни крутили, а получалось одно – посылать в южные воды эскадру надо, да не простую, а линейную, чтобы можно было противодействовать огромному турецкому флоту.

С чисто военной точки зрения задуманная экспедиция была бы серьезным ударом в спину Высокой Порты. Политических выгод в случае успеха предприятия Россия тоже получала немало. Но Екатерину II волновало главное: как отнесутся европейские державы к проходу мимо их берегов русского флота? Не будет ли каких угроз и запретов? Сможет и захочет ли союзная Англия противостоять враждебно настроенной к России Франции? Помимо союзнических обязательств Великобритании по «Северному аккорду», расчет был и лично на нового английского посла в Санкт-Петербурге лорда Каскарта, находившегося под очарованием Екатерины, которую не в меру впечатлительный посол именовал в своих депешах не иначе как «совершенная Дидона».

Увлеченный своей идеей, Григорий Орлов немедленно пригласил лорда к себе во дворец. Изложив суть дела, Орлов спросил посланника прямо:

– Да или нет?

Каскарт мгновенно переменялся в лице: куда вдруг девалась недавняя восторженность и романтичность... Ответил холодно:

– На подобные дела у меня нет полномочий, но обещаю вам, граф, что, как только будет ответ, я сразу же уведомя о нем ваше правительство...

На том и расстались.

Ответ из Лондона пришел на удивление быстро. Министр Рочфорд давал своему послу указание вырвать у русских за проход эскадры как можно больше выгод. Разговор об условиях прохода лорд Каскарт попытался было продолжить с Григорием Орловым, в политических делах не искушенным. Но Екатерина этот ход предусмотрела. Английского посла пригласил к себе сам Никита Панин. Разговор шел в словах крепких...

В своем донесении Каскарт писал: «Я сказал ему (Панину) с той откровенностью, на которую меня вызвали его выражения, что считаю себя обязанным относительно Англии, чем ей самой о том известно; затем я пояснил причину, побудившую к высылке эскадры в Архипелаг, опасения, возникшие в Англии, касательно возможного оборота тамошних дел...» Панин нажимал, Каскарт отчаянно сопротивлялся, сам нанося колкие ответные удары. Граф Никита Иванович настаивал, чтобы Англия поддержала русскую эскадру своим флотом, как и положено настоящему союзнику. Услыша это, посол сразу же замахал руками.

– Что вы, что вы! Господин президент и не представляет, как нам трудно. Британия переживает сегодня нелучшие времена. Волнения в Америке, голод в Ост-Индии, трон подвергается сильнейшим нападкам со стороны палаты лордов и парламента, а палата общин вызывает ненависть народа. За десять последних лет у нас сменилось семь министерств!

– Хорошо! – остановил посла Панин. – Все это я знаю. Меня интересует сейчас иное – на что мы можем твердо рассчитывать?

– Новая война сегодня Британии не по силам, – гнул свое Каскарт, – но мы готовы оказать вашей эскадре всемерную помощь. Мы предоставим вам свои гавани и доки, обеспечим продовольствием и материалами, снабдим морскими картами и дадим хороших лоцманов. Ведь вашей эскадрой интересуется сам Георг Третий...

Теперь уже английский посол, перейдя в наступление, выгадывал своей стране все новые и новые уступки в торговле. Буквально впившись в Панина глазами, он загибал один за другим пальцы, подсчитывая трудности английских купцов. Наконец Панину надоело.

– Торгуетесь, как лавочник! – рявкнул он по-русски и уже на английском добавил: – Все! Больше ничего уступать не будем! Решайте, лорд, да или нет!

И Каскарт, поморщив лоб, ответил:

– Да.

В своем послании министру иностранных дел Англии Рочфорду лорд Каскарт написал следующее: «Честолюбие императрицы сделать Россию морской державой весьма сильно; в настоящую минуту ничто не занимает до такой степени ее мысли... как стремление довести до значительных размеров морские силы России, о чем я вовсе не сожалею... невозможно, чтобы Россия сделалась соперником, способным внушить нам зависть как военно-морская держава, и я всегда рассматривал подобные виды России весьма для нас счастливыми, ибо до тех пор, пока это будет выполнено, она должна будет зависеть от нас и держаться за нас...» Касаясь выгод, которые Англия могла бы извлечь для себя от похода русской эскадры в Средиземное море, английский посол писал: «В случае ее успеха успех этот лишь увеличит нашу силу, а в случае неуспеха – мы утратим лишь то, что не могли иметь».

Вскоре из Лондона был получен положительный ответ британского правительства на возможность прохода русских эскадр мимо английских берегов. Сразу же после этого в Петербурге начались переговоры, которые велись весьма интенсивно. Григорий Орлов, однако, от непосредственного участия в них был отстранен Екатериной II ввиду полного отсутствия дипломатических способностей. На переговорах русскую сторону представлял Н.И. Панин, английскую – лорд Каскарт.

Обстановка на переговорах складывалась весьма непросто. В бумагах Панина, относящихся к тем дням, то и дело встречаются такие записи: «торгуются, как невоспитанные лавочники», «торгаши», «ведут дело по-торгашески» и т. д.

Английская позиция была следующей: получить при минимуме затрат и забот о русских эскадрах максимум выгод от их пребывания в Средиземном море. При этом Каскарт, отвергая требования русской стороны о союзнической помощи, ссылаясь то на трудности британской экономики в связи с последствиями Семилетней войны и непопулярности палаты общин в народе, то на волнения в американских колониях и голод в Индии. Для лучшего понимания тона и духа переговоров весьма характерно письмо Каскарта министру Рочфорду от 30 июня

1769 года: «Я сказал ему (Панину. – В.Ш.) с той откровенностью, на которую меня вызвали его выражения (?), что Ее Величество имеет более оснований считать себя обязанной относительно Англии, чем ей самой о том известно (!); затем я пояснил причину, побудившую к высылке эскадры в Архипелаг, опасения, возникшие в Англии касательно возможного оборота тамошних дел и намерения ее, в последствии которого, в случае если бы один из флотов встретил неприятеля в лице нейтральной державы (под «нейтральной державой» имелась в виду Франция. – В.Ш.) и был действительно атакован в присутствии нашей эскадры, то последняя не осталась бы праздной зрительницей подобного нарушения нейтралитета... Речь эта достигла желаемого действия. Он (Панин. – В.Ш.) сказал, что передаст мои слова императрице...»

В конце концов договоренность в переговорах была достигнута. Лорд Каскарт, подводя итог принятому соглашению, не без самодовольства доносил в Лондон: «Кажется, ничто не произвело такого сильного и приятного впечатления, как согласие короля с мнением императрицы относительно ее флота и той формы, в которой это соглашение было согласовано».

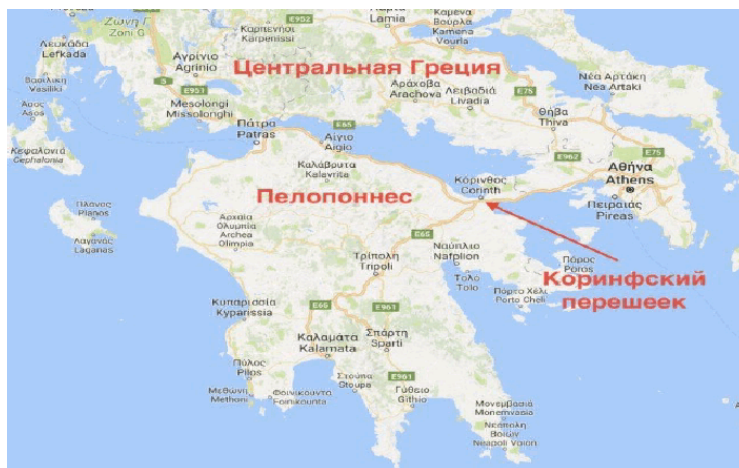
Все решила энергичная деятельность Алексея Орлова, и прежде всего его особое положение в отличие от других, гораздо менее влиятельных эмиссаров. Следует отметить, что письма с наиболее своими смелыми «прожектками» Орлов слал на имя своего брата-фаворита, чтобы уже через него влиять на решения императрицы. Помимо этого, Алексей Орлов в донесениях не скупился на обещания, так, в одном из своих первых писем из Италии он с уверенностью заявлял: «Труд сей будет для нас очень мало стоить, чтоб повести греков против турчан и чтоб они у меня в послушании были. К весне будем иметь войско в сорок тысяч».

В другом письме на имя брата Григория Алексей Орлов рисует еще более захватывающую перспективу: «Если ехать, так уж ехать до Константинополя и освободить всех православных и благочестивых из-под ига тяжкого... Вы ступайте с одного конца, а я с другого зачал». Подобные письма были для Екатерины II как нельзя кстати, и она обращает самое пристальное внимание именно на Грецию. О принятии своего решения она незамедлительно сообщает Алексею Орлову: «Мы сами уже... помышляли о учинении неприятелю чувствительной диверсии со стороны Греции как на твердой земле, так и на островах Архипелага (имелись в виду острова Эгейского моря. – В.Ш.), а теперь и тем более...»

По изначальному плану, прежде всего предполагалось согласовать время прибытия эскадры в Средиземное море с началом восстания маниотов и сфационов.

Самой эскадре предлагалось первоначально сосредоточиться у мыса Матапан, островов Кандия и Цериго, а затем, установив связь с повстанцами, следовать в Эгейское море.

Первый, самый внезапный и решительный удар предполагалось нанести высадкой десанта на Коринфский перешеек, отделяющий полуостров Морею от материковой Греции. Этим предполагалось обеспечить прежде всего быстрое освобождение Мореи, а также невозможность проникновения туда турецких войск. Для этого безымянный автор предполагал занять Коринфскую крепость, а затем, усилив ее артиллерией и укрепив дополнительно, удерживать от неприятельских нападений любой ценой.

Коринфский перешеек

Второй, еще более ошеломляющий удар, по мысли автора, должен был быть нанесен по Салоникам. Отряд русских судов с большим десантом на борту должен был, действуя аналогично «Коринфской операции», высадить десант у Фермопил, чтобы затем, укрепившись там, наглухо перекрыть туркам доступ в Грецию и тем самым обеспечить там полный успех восстания.

Изложенный проект поражает своей стремительностью, смелостью и масштабностью, и, безусловно, при его хотя бы даже частичном выполнении туркам наносился бы удар такой силы, от которого они не скоро могли бы опомниться.

Однако события повернулись иначе, и от столь дерзкого плана пришлось отказаться.

Граф Чернышев не вошел, а вбежал в залу, отбросил в кресло шляпу и трость. Гордо вскинув голову, он оглядел собравшихся.

– Господа адмиралы и кавалеры, в связи с войной турецкой велено государыней возродить флотилию для действия на море Азовском, а после завоевания оно и на море Черном!

Речь Чернышева вызвала всеобщее ликование. Адмиралы кричали «виват», жали друг другу руки.

Иван Чернышев – политик тонкий: чтобы до времени не будоражить необычной средиземноморской перспективой адмиралов, начал он заседание с того, что было давно уже на уме у каждого, оставляя главный вопрос на потом. Когда первые восторги улеглись, прикинули члены коллегии сроки приготовления флотилии. Затем решали голосованием, кому доверить пост командующего. Хитрый Чернышев сразу же предложил кандидатуру Сенявина, не забыв прибавить, что тот рекомендован на сей пост самой государыней.

Гидрограф Нагаев лишь пожал плечами:

– Уж коли матушка решила, чего тут обсуждать. Лешка Сенявин – кандидатур подходящий!

Голосовали единогласно. Лишь старый Льюис, склонившись к уху рядом сидевшего Нагаева, прошипел ядовито:

– Двинули кверху этого проходимца, а за какие, спрашивается, заслуги?

Но Нагаев не поддержал, отмахнулся:

– Будет тебе, как порешили, так и порешили.

Алексей Сенявин, сухощавый и подтянутый, встал во весь рост. О своем предполагаемом назначении на новую должность он уже знал, так как третьего дня имел секретную беседу с императрицей. Заявил контр-адмирал без лишних слов, что костыми ляжет, а через три года выйдет с новостроенным флотом в море Азовское, а там и далее двинет*.

Слыша речи такие смелые, покачал напудренными буклями отставной адмирал Мило-славский, бурча недоверчиво:

– Вот ведь как нынче такие дела решаются. Раньше бы, уж точно, с полгода заседали, а тут раз – и флот строить в полчаса. Да возможно ли такое?

В конце концов было решено следующее: заседали, а тут раз – и флот строить в полчаса. Да возможно ли такое?

В конце концов было решено следующее:

«1. Употребить оной коллегии всевозможное старание примыслить род вооруженных военных судов...

2. К рассуждению и сочинению в силу сего указа призвать вице-адмирала Спиридова и контр-адмирала Сенявина, ибо первый в нужных местах сам был, а второму действовать...»

После этого председательствующий на заседании Семен Мордвинов объявил перерыв.

Алексей Сенявин принимал поздравления, как вынужденные, так и искренние. Подошел поздравить своего помощника со столь почетным назначением и Григорий Спиридов. Пожал руку.

– Григорий Андреевич, у меня к вам просьба, – негромко, почти шепотом произнес Сенявин.

– Давай! – улыбнулся вице-адмирал.

– Поднатаскали бы вы меня по особенностям тамошним, вам ведь в тех краях, почитай, все знакомо.

– Хорошо, душа моя, за этим дело не станет, лишь бы на пользу пошло! Отобедали в соседней зале. Выпили по маленькой для аппетита. Неторопливо похлебали ухи стерляжьей, затем похлебку из рябцов с пармезаном и каштанами. На каштаны особо налегал Мордвинов.

– Эка жалость, что в наших краях сей фрукт не произрастает! – говорил сожалея.

Не зря, видно, шесть лет на французском флоте практиковался по молодости лет.

После каштанов подали к столу печенку, в меду размоченную, да цыплят обжаренных. Водку пили по-стариковски, корочками хлебными закусывали. Поев, набили трубки...

После перерыва вновь председательствовал Мордвинов. Адмиралы дружно утвердили штаты новой флотилии, прикинули, сколько денег и припасов потребуется на всю экспедицию.

Когда со всем этим покончили, слово попросил Чернышев. Дельно и коротко изложил он свои мысли на плавание к берегам эллинским.

– Цель сей экспедиции, – сказал, – в том, чтоб произвести диверсию и беспокоить турок в той части их владений, где они менее всего могут опасаться нападения.

Страсти разгорелись мгновенно. Взбудоражились члены адмиралтейств- коллегий: шуточное ли дело, куда замахнулись.

– Не осилим мы плаванья к агарянам до моря Мидитерранского! – кричал, раскрасневшись, толстый Льюис. – Многие за моря покушались, да не многие ворочались!

Надрывая жилы, ярился сенатор Милославский, кулаками по столу грохоча.

– Красен посул, да тощ, вилами по воде писан! Взвешивая все за и против, хмурил кустистые брови гидрограф Нагаев:

– В теориях-то оно все хорошо, а вот что практик покажет?

За плавание горой встали Мордвинов, Спиридов да азовский командующий Алексей Сенявин. Особенно ж злился на чересчур осторожных соратников всегда спокойный и сдержанный Мордвинов. Дальнее плавание было давней мечтой этого сгорбленного болезнями адмирала. Когда-то, более двадцати лет назад, счастье едва не улыбнулось ему, но поход тот отменили, и мечта навеки осталась мечтой⁶.

⁶ В 1746 году планировался поход отряда кораблей во Францию. В нем должен был участвовать и Мордвинов, в то время капитан линейного корабля «Святой Петр».

Конечно же, адмирал Семен Мордвинов и сердцем и душой был за! Вслух он изъяснялся так:

– Сие путешествие есть дело многотрудное, но верное, а потому, кто супротив оногo выступает, того изменником почитать надлежит!

Перекричав всех, попросил атенции Иван Чернышев:

– Эскадру, ежели мы к согласию придем, велено государыней изготoвлять к плаванию немедля. Что решать будем?

Большинством голосов члены коллегии проголосовали отправить в Средиземное море и далее, в греческие и архипелагские воды эскадру крепкую, с детаашаментом сухопутного войска, с парком артиллерии и другими военными снарядами.

– Теперь надлежит решить, кого во главу предприятия сего ставить будем, – не давая опомниться адмиралам, напирал Чернышев.

Члены коллегии приумолкли. Думали сосредоточенно.

Поразмыслив немного, поинтересовались у графа, какие даны будут флагману полномочия и не приберет ли всю власть фаворитов брат Алесей Орлов, что сейчас на берегах италийских «болезни лечит».

Чернышев пожал плечами, ответить он ничего не мог. Льюис, большой и грузный, вытирал ладонью вспотевший от треволнений лоб.

– Старые мы на такое. Кабы пораньше дело было, и я бы решился, а сейчас какой с меня флагман, дышу едва...

– Предлагаю вице-адмирала Спиридова, – подался вперед розовощекий Нагаев, – и не стар еще, и опыт немалый!

Нагаева поддержали остальные:

– Во, во! Лучше Григория Андреевича на сей пост у нас поставить некого. Чернышев с Мордвиновым кивали одобрительно. Но Спиридов отказался наотрез: – Не пойду! Не хочу на побегушках у Орловых состоять.

– А ежели свобода полная в действиях государыней будет дана? – уныло поинтересовался Чернышев, раздосадованный таким поворотом дела.

– А вот когда будет дана, тогда и разговор будет! – встал из-за стола Спиридов.

– Ладно, Гриша, не кипятись, мы еще с государыней все обсудим, – остановил его Мордвинов, – а пока ж мой тебе ордер таков: осмотреть и отобрать суда, в плавание годные, а далее поглядим.

В Кронштадт Спиридов возвращался вместе с Иваном Синдом, которого он пригласил на пару дней погостить. Расположившись в кормовой каюте, пили друзья шартрез, годы юные вспоминая. Когда-то, в самом начале сороковых годов, бегали они мичманами глазеть на знаменитого Витуса Беринга. В то время и посчастливилось Ивану попасть в новую экспедицию командора. Чего только не пережил на своем веку бравый беринговец Ваня Синд: кораблекрушения и землетрясения, голодные зимовки на необитаемых островах и смерть друзей, но были еще и неповторимые мгновения открытий.

Кронштадт и Петербург в отдалении.

И ради этого стоило жить. Лишь недавно завершил он очередное плавание к американским берегам, открыл остров, назвав его именем Святого Матвея, и сейчас привез в Санкт-Петербург отчеты об экспедиции, журналы и карты.

Отчитается – и снова туда, к себе, на самый край России, где дрожит земля и вздымаются волны Великого океана.

– Значит, скоро дороги наши разбегутся вновь: ты к берегам восточным, а я к средиземноморским. – Спиридов был грустен и задумчив.

– Да ну? – Синд чуть не выронил трубку изо рта. – Тебя уже и с флагманом поздравить можно?

– Рано, да и не знаю, радоваться мне назначению сему или печалиться...

– Что ты, Гриша, ведь о плавании таком мечтать только можно, это же на века!

– Знаю, потому и сомневаюсь. – Спиридов вздохнул. – А душа на простор, Ваня, ой как просится!

И, подсев ближе, он обнял друга. Впереди прямо из воды вздымались форты Кронштадта. Еще ничего не было решено, все еще только начиналось...

16 декабря 1768 года Екатериной II был подписан секретный высочайший указ адмиралтейств-коллегии, гласивший: «Из адмиралтейской коллегии немедленно подать рапорт: 1-е, сколько она к будущей весне кораблей и прочих судов надежно в море нарядить может, какой бы вояж ни был предписан; 2-е, заложенные здесь и у города Архангельского 4 корабля поспеют ли к будущей кампании, и буде не поспеют, то зачем именно». Именно 16 декабря 1768 года можно считать датой начала подготовки Первой Архипелагской экспедиции русского флота. А 24 января 1769 года в своем рескрипте об этом решении императрица уведомила А.Г. Орлова: «Сверх всего сего имеем мы еще в виду по предложению брата вашего генерал-фальдцейхмейстера (Г.Г. Орлова. – В.Ш.), отправление эскадры нашей в Средиземное море, ежели только возможность к тому представится...»

Итак, вопрос об организации Архипелагской экспедиции был решен положительно. Тогда же об окончательном решении организации морской экспедиции был оповещен пребывающий в Италии Алексей Орлов – автор сего необычайного для россиян проекта.

Сообщения за сентябрь – октябрь 1768 года от Первой наступательной армии генерала Голицына под Хотинном:

9 сентября. Посланные вплавь на правый берег Днестра казаки донесли, что турки отступили от крепости. Переправившись к Хотину, мы нашли крепость со всех сторон запертой, влезли на стену и водрузили знамя на главном бастионе. Крепость была пуста. Причиной столь внезапного бегства было возмущение войска постоянно претерпеваемыми поражениями.

21 сентября. Отрядом арнаут подполковника Каразина изгнаны турки из Бухареста, там же захвачен господарь Валахии князь Григорий Гику. При Галаце пленен господарь Молдавии Маврокордато.

29 сентября. На рассвете шеститысячный отряд турок атаковал наш форпост при деревне Шербешти и окружил его. Гарнизон форпоста штыками пробил себе дорогу и вышел из окружения, а соединившись с гренадерским батальоном и гусарами, обратил неприятеля в бегство. Турки приписывают победу себе. Абды-паша – начальник турецких войск в Брангове – получил за это дело звание сераскира Молдавии и множество орденов.

С нашей стороны за одержанную победу награжден орденом Святого Георгия полковник Фабрициан.

Александр II Маврокордат

Глава вторая

«В случае боя должен капитан... не только сам мужественно против неприятеля биться, но и людей к тому словами, а паче дая образ собою побуждать, дабы мужественно бились до последней возможности».

Из Морского устава 1721 года

Сразу же после рождественских праздников 1769 года капитан 1-го ранга Степан Хметевский принимал под свое начало корабль с необычным, но звучным именем «Не тронь меня». Быстро прошло назначение, весело представление, и окунулся капитан с головой в самую гущу дел.

А дел хватало. Линейный корабль – это вершина кораблестроительной мысли. Многоотенный экипаж и десятки тяжелых орудий, громада дубового корпуса и мачты, упирающиеся в небеса. Содержание подобных исполинов под силу не каждой державе, зато уж в баталиях жестоких с лихвой оправдывают они все затраты.

*Чудовища, что крепости громят,
Ниспровергают стены вековые —
Левиафаны боевых армад...*

Линейные корабли – это ферзи на шахматных досках морских войн. А потому и быть капитаном линкора на русском флоте – почет особый, и доверяется пост этот лучшим из лучших по именному указу императрицы.

Нового командира «Не тронь меня» капитанская среда приняла не сразу. Российский флот не так уж велик, и все друг друга понемногу знают. О Хметевском давно ходила молва как о честном, смелом и толковом офицере.

– Этот в клеотурах никогда не бывал! – говорили уважительно.

Зимой Балтийскому флоту передышка: корабли во льдах, команды в казармах, столица под боком, чем не жизнь! Но Хметевский должность свою исполнял с такой великой ревностью, что вечерами валился замертво, а следующим утром вновь засучивал рукава. Торопился капитан корабль свой к предстоящей кампании как можно лучше изготовить, нутром чувствуя скорые перемены.

К капитанству шел Степан Петрович Хметевский двадцать пять лет флотской службы. Дворянства он был самого захудалого. Отец умер рано, не оставив семье ничего, кроме неоплаченных долгов да забытой Богом и людьми деревеньки Хомяково, что затерялась где-то в глуши лесов за Переславль-Залесским.

Вместе с ребятами деревенскими гонял в детстве Степка к реке, по грибы да по ягоды, мчался зимой на санках с горок снежных. Когда же стукнуло ему четырнадцать годков, забеспокоилась мать – куда недоросля своего пристроить, у кого помощи искать да протекции? Был, правда, у Степки дядя развеселый и бравый, лейб-кумпанский гренадер, иногда заезжавший отойти у сестрицы от запоев. Но на дядюшкину помощь рассчитывать особо не приходилось. Кроме того, как пить крепко да кричать матерно, кулаками стол дубася, дядюшка приучен ни к чему не был.

Насоветовал матери отставной гвардейский капитан Роставлев, обитавший по соседству. Приковылял как-то на своей деревянной ноге.

– Ты, матушка, сдай-ка Степку своего в шляхетский корпус морской, глядишь, там и в люди выйдет!

Дело говорил ветеран баталии Полтавской – в морской корпус брали самых худородных, служба флотская была не в почете. Подслушивая разговор под дверью, плакал с перепугу Степка. Шутка ли – по окиянам плавать! А он и речку переплыть боялся!

Но мать решила твердо, и плач уже не мог ее остановить. Весной того же 1744 года Степана, сына Петрова, записали в ученики Морской академии.

Шли годы. Спустя семь лет упорного труда получил он первый свой унтер-лейтенантский чин. В прусскую войну успешно откомандовал потрепанным линком «Вологда», возил к Мемелю осадные орудия. А закончилась война – и отправили Степана Хметевского на Волгу, в далекую от моря Рыбную слободу. Грузил там усердно дубы казанские для будущих кораблей. Старался крепко, чуть жилы себе не надорвал, зато исполнил все добросовестно и в срок. Погрузив лес, пошел Степан на барках вверх по рекам в Петербург. Но не дошел: стал лед, и пришлось зимовать в занесенном снегами селе Леонтьевке.

Стоял в тамошнем Новгородском уезде полк драгунский. Офицеры жен своих попривозили, весело было. Степан дамам нравился. Голос зычный, силы через край, сожмет ручищами – аж корсеты трещат! Ну и умный, конечно: о звездах говорит, о странах да землях, что за морями расположены, интересно – страсть! Не то что драгунские, те лишь усы крутят да в вист режут. Приглашали Степана в гости часто. Каждому приятно, чтобы у него на десяток дураков хотя бы один умник был.

Как-то на одном из вечеров познакомился он с девицей Шишковой. Была Маша Шишкова хороша собой: пухленькая, розовая, как колобок, на щеках ямочки – смешливая. Влюбился Степан. Походил-походил да решил предложение сделать. Напудрил парик, отгладил мундир, спитым чаем почистил шляпу и, прицепив шпагу, с дрожью в сердце пошел.

Вытоптанная в глубоком снегу тропинка вилась над застывшей рекой. Там, где деревенская ребятня облюбовала себе ледовые горки, услышал он вдруг смех и визг женский. Подошел ближе – и остолбенел: каталась на санках с горы его Маша, а рядом с ней офицер драгунский. Офицер Машу к себе руками прижимал, а Маша хохотала без умолку. Перевернулись санки, упали драгун и Маша в снег, целоваться начали. Пальцы Степана невольно эфес сжали. Развернулся он и побрел прочь...

Прошел ледоход, вскрылись реки, и привел лейтенант Хметевский свой отряд в Санкт-Петербург. С началом же кампании ушел в море. А на следующий год избрала адмиралтейств-коллегия толкового офицера в адъютанты к наследнику – великому князю Павлу Петровичу. Завидовали многие: шутка ли, без всяких протекций, а куда прыгнул! Карьер сам в руки идет, только лови момент!

Степан же пребывал в сомнении великом. Слов нет, назначение льстило, но сколько двору он придется – Хметевский не знал, как вести себя в высшем свете, – понятия не имел, а что родом не вышел для должности такой – это уж точно!

В обязанности морского адъютанта входило, помимо иного, сопровождение четырнадцатилетнего генерал-адмирала в морской корпус на прослушивание курса флотской тактики и корабельной архитектуры. У парадного крыльца «высочайшего ученика» встречал всегда сам директор Голенищев-Кутузов, кланялся низко, пудру с парика ссылая. Рядом караул почетный при барабанах и знамени. На знамени герб корпусный – руль и градшток со шпагою, короной увенчанный.

Голенищев-Кутузов, усадив Павла в кресло рядом с собой, увлеченно рассказывал о своем крушении на корабле «Москва», когда его носило в штормовом море от Рюгена до самой Либавы, как рубили мачты и спасались на самодельных плотках, тонули и мерли с голоду. Великий князь слушал рассказы старого морского волка, не дыша... Голенищев знал, чем завлечь романтического мальчика!

Пока глава российского флота слушал уроки, Хметевский гулял по гулким коридорам, вспоминая былые корпусные шалости и проказы. При удобном случае заглядывал к учителю

своему Гавриилу Курганову. Курганов – знаток наук многих, ученик Ломоносова и Эйлера, воспитатель не одного поколения русских моряков. Сживали с ним в учительской, пили чай с вареньем вишневым, сетовали на беспорядки флотские и корпусные...

Бродя как-то по этажам в ожидании наследника, услышал Степан звуки флейты. Кто-то неумело, но весьма старательно играл штуку танцевальную. Удивился капитан-лейтенант, вроде бы не тяготело никогда разудалое кадетство к музыке. Пошел посмотреть. Подойдя к одной из жилых камор, увидел кадета, сидящего на койке с флейтой в руках. Лицо у кадета простое, нос картошкой. Заметив офицера, вскочил он и доложил по всей форме:

– Кадет старшей роты Ушаков Федор!

– Садись, дружок. К музыке охоту имеешь? – кивнул Хметевский на флейту.

– Есть малость, да не всегда время свободное бывает, – отвечал Ушаков.

– На что же ты его тратишь, время-то? – еще больше удивился адъютант великого князя, воспитанный на славных традициях корпусной вольницы.

– На то наук морских хватает! – отвечал невозмутимый кадет.

– Ну, коли так, быть тебе, Федор Ушаков, флагманом знатным! – улыбнулся Хметевский и зашагал прочь.

Иногда встречал в корпусе племянника директора, розовощекого капитана Михайлу Кутузова. Любил Степан перекинуться с ним парой-другой фраз. Адъютант ревельского губернатора Гольштейн-Бекского, бывая по делам в столице, непременно заезжал к своему дядюшке и, в свою очередь, всегда был рад потолковать с приятным собеседником. Особой, впрочем, дружбы меж ними не было, просто встречались два симпатичных друг другу человека, обменивались новостями и, пожав руки, расходились. Каждому судьба уготовила свою дорогу и место в истории...

Летом решила императрица Екатерина катать сына по Финскому заливу на яхте, к морю приучая. Обрадованный таким известием, корпусный директор Голенищев-Кутузов вручил Степану на память книжицу, им самим с французского переведенную. Тонкие белые листы еще пахли типографской краской. То было «Искусство военных флотов» сочинительства Павла Госта, книга, для каждого моряка нужная. Поблагодарил Хметевский генерала за столь щедрый дар, Голенищев на это отвечал мудро:

– Тебя благодарствую, что увозишь цесаревича отсель, глядишь, и не вернется боле!

Все лето проплавал Степан вдоль и поперек залива Финского. Надоело до зарезу, но зато за услуги оказанные произвел его наследник в капитан- поручики своего комнатного флота – честь немалая!

Морским адъютантом наследника императрица была не особенно довольна.

– Моряк он, может, и хороший, – заметила она при случае Мордвинову, – да на вид уж больно свиреп, а о манерах я уж и молчу: что слон в лавке! Поищите Павлуше кого-нибудь пообходительнее да лицом приятнее, а этого забирайте обратно.

На следующий год вырвался Хметевский из дворца, помчался на перекладных в Архангельск принимать новостроенный фрегат и перегонять его из Белого моря в Балтийское. Дорогой остановился отобедать в одной из деревушек у местного помещика-хлебосола Куприянова. Едва сели за стол, в комнату вошла девушка. Степан как глянул, так и понял – это судьба.

– Дочь моя Анна, – представил девушку хозяин.

А она стояла, не смея поднять на бравого капитана 2-го ранга свои серые глаза. Никуда Хметевский в тот вечер не уехал, дал себя уговорить и загостился, благо время свободное у него еще было. Бродили вечерами они с Анной среди берез, слушали щебет птичий и стук сердец своих. Волнуясь, читал Степан избраннице своей стихи сумароковские:

*Мы друг друга любим, что ж нам в том с тобою?
Любим и страдаем всякий час,*

*Боремся напрасно мы с своей судьбою,
Нет на свете радости для нас.
С лестною надеждой наш покой сокрылся,
Мысли безмятежные отняв,
От сердец зажженных случай удалился,
Удалилось время всех забав...*

Счастьем сияли огромные серые глаза девушки. Вскоре и сговорились, а на следующий год по возвращении Степана из плавания и свадьбу сыграли.

Но недолгим было семейное счастье Степана Хметевского. Спустя год умерла при родах его любимая Аннушка, и все переменялось. Остались лишь непроходящая тоска по любимой да море, без которого не мыслил Степан жизни своей.

В окне экипажной казармы, несмотря на поздний час, – свет. В капитанской каморе трое: Александр Круз» Степан Хметевский и Федор Клокачев. Все однокашники по выпуску из корпуса, а ныне капитаны кораблей. Курили они трубки, коротали время и резались в юрдон, игру карточную. Беседы вели о политике высокой. Больше всех, как обычно, горячился Круз, вспыльчивый и крикливый капитан «Евстафия»:

– Как так? Татары опять в Крыму в набег подались. А мы все глаза пучим. Щипками не больно с них урвешь, здесь в мах лупить надо!

– Экий ты шустрый, Саша! – крутил головой рассудительный Клокачев. – Пока флота на Азове не будет, не видать нам Крыма, как своих ушей!

– Не о том толкуем! – сорвался в крик капитан «Евстафия». – Флот мало-мальски создать – года три надо, а мы наставим пушек на суда партикулярные и ну в каперы, поди, гололобий, догони!

Сидевший подле спорщиков Хметевский молча чесал пальцем свой тяжелый подбородок, в дискуссии горячие не встревая да поглядывая, как багровеет разгорячившийся Круз. Клокачев, не подумавши, нарушил негласную заповедь капитанской среды: с Крузом не спорь, ибо кончиться это может весьма печально и больно. Слишком уж крутой был нрав у капитана «Евстафия»! Опомнившись, Клокачев пошел на попятную.

– Правильно! – сказал примирительно. – Надо и воевать и строить одновременно!

– Понял наконец-то! – хлопнул себя по толстым ляжкам Круз. – Лишь бы дело дали. Мы поднажмем, армейские навалются – и конец басурману. Эх, скорее бы! Надоело шляться меж островов Березовых!

– Не руби с плеча, Саша! – молвил Степан Хметевский, откладывая в сторону надоевшие карты. – Высокая политика есть дело особ высоких, без нас там разберутся...

– А я в адмиралы и не мечу, – разобиделся сразу Круз, зло тараща водянистые глаза, – это вы все норовите, а мне и на моем «Евстафии» неплохо. Лишь бы дело побойчее дали. А что языком треплюсь, так то за дело радею! – Капитан 1-го ранга опять начал горячиться.

Со скрипом отворилась дверь.

– Ну и кричите вы, аж на лестнице слышно. – В комнату с клубами морозного воздуха ввалился замерзший Яков Сухотин, капитан фрегата «Сергий».

– Опоздал, бери штрафную! – кивнул раздосадованный внезапным вторжением Круз.

И, наполнив до краев осмериковый, мутно-зеленого стекла штоф, он сунул его стучавшему зубами Сухотину.

– Хлебни, сердешный. Да и к огню садись.

– Ну, разве что по маленькой, – ухмыльнулся хитро Сухотин, поднимая тяжелый штоф. – За виктории наши на морях южных! – сказал он, посуду сию враз ополовинив.

– За какую это викторию пил? – заинтересовался сразу почуявший что-то Хметевский. – Давай, Яша, выкладывай!

– Вот что значит в столицу не ездить. Сидите здесь по берлогам и ни черта не знаете! – заулыбался отогревшийся немного кавторанг, сбрасывая тулуп бараний.

– Не томи, злодей, говори! – дружно задвигались заинтересованные капитаны.

Сухотин важно, не спеша, откашлялся, оглядел сидевших взглядом, полным превосходства. Те, затаив дыхание, не спускали с него глаз.

– Ну, не томи! – не выдержав, застонал со своего кресла Круз. – Помилосердствуй!

– Так вот, – насытившись вниманием к своей особе, молвил наконец-то Сухотин. – Сего дня велено приступить к созданию Донской флотилии. Во главе экспедиции поставлен Алексей Сенявин. Я ж к нему в помощь определен и прибыл сейчас в Кронштадт для отбора служителей.

А кроме всего этого... – Кавторанг понизил голос до шепота. – Велено снаряжать еще одну экспедицию секретную на море Средиземное против турок, чтоб туда вокруг всей Европы плыть!

– Это дело! – вскочил с места Круз.

– Садись ближе, – велели Сухотину, – завтра начнешь набирать, а ноне уже поздно, так что давай выкладывай все по порядку...

Вскоре подошли на огонек капитан Корсаков с «Европы» да капитан Барш со «Свято-слава», заставили Сухотина все по новой рассказывать.

Потом подходили по одному капитаны Борисов, Поливанов, Шубин и другие. Сухотин начинал свой рассказ сызнова, только теперь ему дружно помогали собравшиеся в каморе. Снова и снова слышались восторженные возгласы кого-то из пришедших, и все в который раз радовались вместе с ним.

К утру Сухотин лишь хрипел, силясь вымолвить что-либо. А капитаны, раскатав по столу карты, взору не привычные, ожесточенно водили по ним пальцами.

Давно погас камин, нетронутой стояла водка. Сухотина подбадривали весело:

– Не бойся, Яша. В заботах твоих мы тебе помощники, но будь другом, как же все-таки у них на коллегии дело-то было?

Раннею весною, едва сошел лед, ушли из Кронштадта корабли и суда Ревельской эскадры. Вместе с ними покинул кронштадтский рейд и линейный корабль «Не тронь меня».

Впереди была морская кампания 1769 года.

На юге тем временем шла подготовка к предстоящим сражениям. Турки укрепляли свои крепости, готовили к походу четырехсоттысячную армию. В Крыму седлали коней, предвкушая скорую добычу, татары.

Русские армии собирались у Киева и Кременчуга. Во главе их стояли генералы Голицын и Румянцев.

Все ждали лета.

Сообщения с театра военных действий за январь – март 1769 года:

9 января. Войска крымского хана вторглись в нашу Елисаветградскую провинцию, а две партии татар направились из Крыма к Волчьим водам.

13 января. Пятитысячный отряд татар у Бахмута опрокинут и рассеян отрядом генерал-майора Романиуса. Неприятель бежал за реку Терновку.

Февраль 1769 года. Для снабжения флотилии, назначенной действовать от Азова в Азовское и Черное моря, приступлено было к заготовлению в Павловске и Воронеже судов. К весне ее императорским величеством велено заготовить и спустить по Дону к Новочеркаску до 75 судов разной величины с 12 400 человек команд при 1035 орудиях, начиная с малого до 24-фунтового калибра.

26 февраля. В крепость Святого Дмитрия на Дону прибыл Вологодский пехотный полк под командованием генерал-поручика Бернеса, назначенный для предварительного занятия Азова и Таганрога.

6 марта. Взяв в прибавок к Вологодскому полку 1000 донских казаков, вернее подступил к Азову, и так как крепость эта была оставлена турками еще гораздо прежде, то она и была занята нашими войсками без выстрела.

Из Восточной тайной экспедиции:

Зима 1768–1769 годов. Произведя обследование Аляски (Аляксы) и открыв ряд островов, суда Восточной экспедиции стали на зимовку. Галиот «Святая Екатерина» под командованием начальника экспедиции капитана 2-го ранга Петра Креницина – у острова Унимак, а гукор «Святой Павел» под началом капитан-лейтенанта Михаила Левашова – у острова Уналяска в бухте, названной им в честь своего судна. В отчете о зимовке Левашов писал: «Пищу худую имели и малую, а от стужи и дождя нигде не сыскать покою». К концу зимовки от цинги и прочих болезней умерли шестьдесят пять человек. Исследования продолжались...

Глава третья

*Собирайтесь-ка, матросушки, да на зеленый луг.
Становитесь вы, матросушки, во единый вы во круг.
И думайте, матросы, думу крепкую.
Заводи-ка вы да песню новую,
которую пели вечер да на синем море.
Мы не песенки там пели – горе мыкали.
Горе мыкали – слезно плакали...*

Из старинной матросской песни

Боцманская должность на флоте – одна из самых хлопотливых. Надлежит боцманам содержать в целости канаты и якоря, анкер-штоки и буи. Отвечают они за отдачу и выборку якорей, содержание мачт, производят разводы на вахты и работы. Да мало ли обязанностей у корабельного боцмана!

Боцман Евсей, что с «Не тронь меня», на флоте уже за тридцать лет. За это время, наверное, только что у черта на рогах не побывал! Рекрутом в Минихскую кампанию воевал под Азовом. Две тяжкие раны там получил. Несколько лет спустя тонул на фрегате «Гектор» у Гогландского рифа*. Позднее отважно сражался со шведами на праме «Дикий бык» в Аландских шхерах*. В войну с пруссаками дрался под Мемелем, ходил в кольбергский десант, опять был ранен. На пути домой еще раз попал в крушение, на этот раз на корабле «Астрахань»*. Всякое было на долгом веку Евсея, пока до боцманской дудки дослужился. Известно было что фрегат «Гектор» (командир – капитан-лейтенант Урусов) разбился в 1742 году на Готландском рифе. При крушении команда спаслась.

20 мая 1743 года отряд галерного флота (9 судов, 2 прамы, 7 галер) разбил в Аландских шхерах у острова Корно шведскую эскадру в 18 вымпелов. При этом особо отличился прам «Дикий Бык».

Корабль «Астрахань», возвращаясь с больными и ранеными из-под Кольберга, 10 октября 1761 года был снесен течением у мыса Сибернес (остров Даго) и разбит прибоем. Весь личный состав спасся.

Евсей весь флот знает, и он всех. С новым капитаном «Не тронь меня» тоже судьба раньше сводила. Перегоняли они несколько лет назад фрегат «Гремящий» из Архангельска в Кронштадт. Знал Евсей, что Хметевский только с виду суров, на самом же деле душа-человек: линьки с мордобоем не жалуется, зато о последнем матросе рачится, как о сыне родном. Таких капитанов на флоте по пальцам пересчитать можно.

Евсей драться тоже не любил, хотя кулаки имел увесистые. Самого по молодости лупили – это да, было дело, и в минуты откровенной беседы боцман с удовольствием демонстрировал желающим свой щербатый рот. Вот, мол, как в старину-то было, не то, что нынче!

Всю зиму Евсей с малой частью команды на корабле. За ним, что за дитем, каждодневный уход нужен.

В апреле остальная команда на корабль перешла, а в начале марта и рекрутов в пополнение прислали. Принимал вновь прибывших Евсей. Осмотрел их с вниманием и недоволен остался. Рекруты как рекруты – рожи глупые, а в глазах тоска и страх.

– Ну, – сказал им, – новая жисть нонче для вас начинается. Учиться всему будете заново: и ходить, и по дереву лазать, и говорить. Вот ты кто таков? – ткнул он пальцем в грудь щедрого веснушчатого парня.

– Я-то? – шмыгнул тот простуженным носом. – Васька, Митрофана Никонова сын.

Евсей махнул рукой безнадежно.

– Не Васька, Митрофанов сын, ты будешь отныне, а самый что ни на есть служитель флота российского! И все запомните, – обернулся он к испуганно жавшимся рекрутам, – что вы теперь не Васьки да Ваньки, а русские матросы!

Построив по ранжиру, повел Евсей новоявленных матросов по черному весеннему льду на корабль. Пронзительный ветер рвал с голов треухи и завертывал полы дырявых армяков.

На корабле рекрутов встретил дежурный офицер в бараньей шубе и надвинутой по самые уши треуголке. Мельком оглядел прибывших, кликнул писаря да лекаря – осмотреть, нет ли болезни или заразы какой.

Пришли, осмотрели и записали.

Затем одежду каждому выдали. Чего там только не было: рубахи и порты, башмаки и сапоги, кафтаны со штанами на подкладке холщовой да на подкладке сукна сермяжного, бастроги, шапки и даже по галстуку пышному в придачу.

Повеселели немного рекруты: ишь-то, богатство какое! Однако надевать ничего не позволили, а повели на берег в баню. Лупцевали там себя рекруты вениками березовыми, из шаек окатывались до одури. Кричали прибаутки, друг перед дружкой храбрятся:

– С гуся вода, с тебя худоба, на густой лес да на большую воду!

После баньки накормили сытно. Щей густых дали и каши овсяной с маслом коровьим. Затем уж и по местам приписным развели.

Рекрута Ваську Никонова определили к громадной 30-фунтовой пушке, что стояла в самом нижнем доке. Глянул он на нее – и дух захватило! Шутка ли, такое страшилище: голова в дырку влазит...

К пушке привел Ваську веселый рябой канонир. Похлопав ладонью по казеннику, приободрил:

– Ничего, матрос-удалец – что огурец, какой вырастет! Здесь отныне будет тебе и дом, и поле бранное на всю твою жисть! Всему обучайся прилежно, лодыря не корчь, но и вперед не суйся, знай всему черед! Разумей одно: кто в море побывал, тот и лужи не боится.

Остаток дня пролетел для Васьки в тумане. Что-то заучивал, где-то ходил. Наконец рябой канонир Леха Ившин сообщил, что пора и ко сну. Спустившись на свою палубу, развесил Васька по примеру Ившина койку и, едва раздевшись, провалился в тяжелый сон. Противно пищали по углам наглые корабельные крысы, но Васька их не слышал. Снились ему родная изба на Псковщине, отец усталый, с большими руками, снилась сестра, смешливая балаболка, худенькая и жалкая. Мать сидела рядом и горестно причитала, гладила его по голове...

Тишину оборвал пронзительный свист дудки.

– Подъем! Койки вязать и умываться! – кричал, свешиваясь в люк, страшный боцман Евсей.

Ничего не соображающий Васька спросонья никак не мог попасть в штанину портов.

– Живее, живее, – подгонял его уже вязавший свою койку Ившин, – на флоте мух не ловят!

Начинался новый день, начиналась морская жизнь рекрута Васьки Никонова...

Рекрут – это еще не матрос, еще много пота пролить и мозолей нажить надобно, чтобы стать им. Сразу же с приходом в команду поступает рекрут под опеку «дядьки» – старого, опытного матроса, верой и правдой отбарабанившего на флоте полтора десятка лет. «Дядька» отвечает за рекрута головой – это и понятно: рекрут, он и есть рекрут. Ничего не умеет и не понимает, а боится, почитай, всего.

Перво-наперво выучивает рекрут, как зовут его «дядьку», а потом – отделенного и капрального унтер-офицеров, ротного, капитана, а затем флагманов и уж после всего зубрит длинные и непонятные титулы и звания особ августейшей фамилии.

Торжественно перед строем принимают рекруты присягу на верность престолу и Отечеству. Свежий ветер треплет флеры офицерских треуголок и бороду корабельного иеромонаха.

Дрожа от волнения, кладут рекруты левую руку на Евангелие, правую поднимают с двумя простертыми перстами. Слова присяги тяжелы и суровы:

– «И должен везде и во всех случаях интерес... государства престоерегать и охранять, и извещать, что противное услышу, и все вредное отвращать...» Целуют рекруты крест православный и в строй становятся. Все, теперь им с флота назад пути нет! А учеба настоящая только начинается.

Матрос должен знать и уметь многое. Изучить компас: что это за штука и зачем нужна; вязать многие узлы хитрые; грести на шлюпке; травить якорь в крепкий ветер и действовать при орудиях. Если определен рекрут в марсовые, должен он, помимо всего прочего, уметь поднимать стеньги и реи, ловко работать на марсе, накладывать и обтягивать такелаж, лихо взбираться в шторм по вантам. Определенные к пушкам изучают их так, что с завязанными глазами проделывают все, как надо. Особый отбор – в рулевые. Туда берут самых толковых и расторопных, учат их грамоте и счету. Рулевые должны, как «Отче наш», знать все румбы, уметь по ним править, бросать лот и развязывать линии.

Много забот у матроса на корабле, но не меньше на берегу. Едва становятся корабли на зимовку, как превращаются матросы в солдат – несут караульную службу, стоят на часах, ходят в обходы и в конвой. Гоняют их строем по заснеженному плацу. Гремят барабаны. Учатся матросы шагать в ногу, стойке правильной, чтобы грудь колесом и глаза не мигали. Приемы ружейные проделывают, учатся ружье держать, «на караул» его вскидывать да прикладом об землю стучать, чтобы все разом и красиво выходило.

Только освоив корабельную, артиллерийскую и солдатскую службы, становятся рекруты настоящими моряками.

Ваську определили в артиллеристы, и поэтому пушки для него – дело наипервейшее. Чин дали ему голландский, а отвечать велено за фитили. Ох, и намучился Васька с ними!

Фитили – это тонкие пеньковые веревки, вываренные в дьявольском растворе из серы и селитры и по-хитрому намотанные на деревянных штоках-пальниках, что втыкаются при стрельбе подле пушек в палубу железными остриями. Хранит их Васька в медном бочонке с двумя дырками по бокам. Бочонок – чтоб не отсырели фитили, дырки – чтоб вонь от них наружу выходила.

Васька уже пообвыкся малость. Корабль большой, народу тьма! Название смешное – «Не тронь меня». Почему «не тронь»? Чудно!

Вечерами слушает Васька с замиранием сердца истории разные о войне с пруссаками, о плаваниях и бурях морских. Жутко, но интересно – страсть! Увидь его сейчас матушка – вот реву-то было бы. А он ничего, будто так и надо.

Домой тянет – это да. Собираются иногда рекруты кучкою, вспоминают деревеньки свои, и такая тоска тогда нападает, что хоть о борт головой бейся...

Офицеров Васька почти не боится, робеет только. Офицеры все красивые, важные, в бантах и перьях. Ходят по палубе туда-сюда. Сами ничего не делают, только командуют. Капитан – тот вообще Ваське не понятен. Выйдет на подъем флага, зыркнет по сторонам, соберет вокруг себя офицеров и водит их по кораблю за собой, везде пальцем тычет. Офицеры потом унтерам за нерадивость выговор учиняют, а те с матюгом и кулаками на матросов накидываются.

Кого боится Васька, так это унтеров. Они всегда рядом, все видят, все знают, от них не укроешься. Кричат, ногами топают, в дудки свистят, чуть щеки не лопаются, а ругаются – аж мурашки по спине бегут. Никогда еще не слышал Васька, чтоб мужики в деревне так ругались, куда им! Эти такие словеса вворачивают, что чертям в аду, наверное, тошно становится.

С Ившиным Васька подружился. Многому научил его опытный канонир. Кроме работ корабельных, ежедневно с утра устраивались артиллерийские экзерциции. Ровно в восемь часов взрывались дробью барабаны, плечистые констапели кричали в надрыв:

– Готово!

– Люди, ступай в корабль! Бери с порохом рог!

Наступал самый ответственный момент. Канониры быстро протыкали затравками запалы, сыпали в них черный искристый порох.

– Целься верней! – несло по орудийным декам.

Щуря глаза, канониры руководили наводкой. Прислуга, обливаясь потом, приподнимала ствол, орудуя железными правилами.

– Годится! Бей клин! – командовали канониры.

Правила быстро убирались, вместо них под казенную часть вбивали клинья. Теперь пушку наводили по горизонту правилами деревянными.

– Левее... левее... – шептали канониры. – Ишшо чуток... Во, теперь порядок! Готово! – докладывали они констапелям, поднимая руку.

– Пали!

От чадящих паяльников разом воспламенялись запалы. Грохот наполнял корабль: то, изрыгнув ядра, рвались в судороге назад пушки...

Общая артиллерийская экзерциция – вершина мастерства. Чтобы достигнуть ее, нужно долго и с толком учиться. Вначале артиллеристов обучают стрельбе из мушкетонеров по неподвижной цели: как целиться, вернее, как мушку на цель наводить. Когда промахи исчезают, переводят матросов к качелям. На качелях мушкеты стоят в гнездах специальных.

– Пальба на качке! – объявляют офицеры.

Сначала раскачивают качели понемногу, затем все сильнее и сильнее, и цель начинает двигаться. И только когда все пули летят метко, артиллеристов допускают к пушкам.

При подготовке к кампании на «Не тронь меня» выявился большой некомплект орудий. По этой причине каперанг Хметевский послал на арсенал наряд присмотреть годные пушки. Во главе наряда исполнительный лейтенант Мельников*.

Назначили на арсенал и Ваську. Добрались туда матросы по растаявшему снегу. Казенные башмаки противно хлопали в сочной весенней грязи. У арсенала часовой, спасаясь от дождя, накинул на себя дырявый мешок. Человек не человек, пугало не пугало.

На складах пушек пропасть, но, почитай, все перепорченные. Васька пушек не выбирал (не его ума дело), а таскал в телегу то, что уже было выбрано. Но таскать пришлось до удивления немного. Офицер дело свое знал отменно, каждый ствол ощупывал, достав зеркалаце, высматривал, нет ли изнутри раковин или ржавчины какой.

– К употреблению опасно! Волоките обратно!

Знак годности – адмиралтейский якорь – накладывали редко. Ругался офицер, кулаками начальнику арсенала грозил:

– Ты, глянть, такой-разэтакий, что у тебя творится! Ты же тыщи стволов губишь, сволочь!

Краснел чиновник от злости, огрызаясь в ответ:

– Не оскорблять! Я дворянин потомственный и оскорбительств чести своей не потерплю!

– Ах, ты еще о чести вспомнил! – разозлился вконец офицер и хватил за шпагу.

Начальник арсенальный не стал ждать, чем все закончится, а, живот немалый подобрав, дал деру.

Нахохотались матросы, глядя, как прыгает через лужи чиновник.

А Ваське обидно стало, что не побежал за складским их офицер. Вспомнилось вдруг далекое: их деревня, барин толстый, точь-в-точь как этот. Чай любил во дворе пить да смотреть, как мужиков насмерть запарывают. А на Пасху созовет, бывало, сирот яичками крашеными одаривает, слезится... Жалко, что не побежал за складским офицером!

Так и вернулись, почти без пушек. Ившин потом говорил, будто лейтенанта ихнего здорово капитан ругал. А Васька так понял, что ругался капитан потому, что тоже, как и он, толстых не любил.

Как ни странно, но так оно и получилось. Когда, вернувшись с арсенала, доложил лейтенант Мельников, что отобрал лишь неполный десяток стволов, не сдержался Хметевский:

– Что же ты, дружок, по мордасам не выдал чиновнику складскому за все содеянное в благодарение от флота российского?

Потупился лейтенант Миша Мельников, сказал, желваками играя:

– Виноват, боле сей конфуз не случится!

Вечером перед самым отбоем собирались обычно на «Не тронь меня» матросы подле фок-мачты, где место для курения и разговоров уставом определено. Травили они байки флотские, пели песни любимые:

*Уж мне надобно сходить
До зелена луга...
Уж мне надобно навестить
Сердешного друга...*

Вначале распевали песни грустные, неторопливые, потом побойчее да повеселее. Наконец кто-то не выдерживал:

– Эх, веселое горе – матросская жисть! Давай круг, робяты!

Расступались тогда матросы, подвигались, давая простор плясуну. А тот как присвистнет, притопнет и пошел наяривать, только доски палубные гнутся! Вот еще двое не выдержали, тоже в круг повыскакивали.

– Давай, «фока», жарь, наша мачта завсегда впереди всех стоит!

– Митька-то, Митька дает, даром, что ль, бизаньский!

И вот уже понеслась над притихшим рейдом, над волнами и кораблями удалая матросская плясовая:

*Тпру ты, ну ты,
Ноги гнуты...
Попляши, попляши,
Ноги больно хороши,
Еще нос торчком,
Голова крючком...*

А вскоре пришел на «Не тронь меня» ордер адмиралтейств-коллегий, коим предписывалось списать часть команды на корабли и суда, уходящие в Средиземное море в составе эскадры адмирала Спиридова. Разлучила судьба моряцкая Ваську Никонова с Лехой Ившиным. Ваську определили на линейный корабль «Три Святителя», Ившина же – на корабль «Святой Евстафий». Перешел туда же, на «Евстафий», и старший боцман Евсей. Кто знает, доведется ли им еще свидеться...

Сообщения с театра военных действий за март – май 1769 года:

17 марта. Отряд бригадира Жедерса из 500 казаков при четырех фальконетах выступил на Таганрог из крепости Святого Дмитрия!

19 марта. Отряд Жедерса занял Таганрог. По совершении молебствий на главном валу со стороны Крыма поставлено русское знамя и расставлены караулы.

31 марта. Двухсоттысячная турецкая армия начала свое движение от Андриополя к Дунаю.

Апрель. Кошевой запорожский атаман предпринял набег в Крым и разбил сильную партию татар под Очаковым, взяв в плен самого татарского начальника Бешлей-ага-Османа.

15 апреля. Начало боевых действий Первой армии генерала Голицына.

18 апреля. Русские войска под командованием генерала Голицына подошли вплотную к турецкой крепости Хотин и открыли по неприятельскому лагерю сильную пальбу. После трех часов канонады турки вынуждены бежать, заперевшись в крепости. Взяты в добычу 3 знамени и 7 пушек, урон убитыми, которых неприятель забрал с собой, значителен. С нашей стороны урон состоял из 5 человек.

5 мая. 1-я дивизия 2-й армии, при которой находился и граф Румянцев, переправилась у Кременчуга через Днепр по мосту, составленному из плотов, и расположилась у Крюкова шанца.

2-я дивизия генерал-аншефа князя Долгорукова переправилась у крепости Переволочны на плотях и мелких судах и стала при Мишуринрогском укреплении.

3-я дивизия генерал-поручика Берга продолжала стоять у Бахмута.

Глава четвертая

*У далеких немских стран
Есть, ребята, окиян.
По тому ли окияну
Ездят только басурманы;
С православной, же земли
Не бывали николи
Ни дворяне, ни миряне
На поганом окияне.*

П. Еришов

С последнего заседания адмиралтейств-коллегий дел у вице-адмирала Спиридова заметно прибавилось. Прежде всего осмотрел он самым тщательным образом весь корабельный Балтийский флот. Старые корабли забраковал для дальнего плавания сразу. Построенные еще в пору бывшего «недосмотрения», были они кое-как сбиты гвоздями, отчего даже на малой волне грозили рассыпаться.

Взвесив все, решил Спиридов отбирать в секретную экспедицию корабли и суда, отслужившие не более пяти лет. Эти были вполне надежны. Посоветовавшись меж собой, предложили адмиралы императрице отправлять флот в Средиземное море не разом, а постепенно, эскадра за эскадрой, чтобы успевать с починкой и подготовкой к плаванию. Екатерина согласилась с доводами. Определили и состав передовой эскадры: семь линейных кораблей, фрегат, бомбардирский корабль, пара пакетботов да несколько транспортов с припасами и десантом. Хотели было адмиралы еще немного эскадру усилить, но императрица более, ни одного вымпела не дала, опасаясь шведских провокаций на Балтике.

А в адмиралтейств-коллегии не утихали споры: кому вести передовую эскадру? По всем статьям выходила эта должность Спиридову, но тот упорно отказывался, говоря сердито в своем кругу:

– Не пристало мне, вице-адмиралу и кавалеру российскому, в услужении у цареубийцы Алехана пребывать! Честь свою превыше всех других наград почитаю!

Екатерина тем временем торопила Чернышева:

– Кого ставит коллегия над флотом, в южные моря идущим?

– Спиридова хочу, флагмана кронштадтского, – вздыхал граф Иван, – но сомневается он, будет ли власть ему в руки дадена.

При упоминании имени Спиридова Екатерина поморщилась. Неприязнь императрицы к своему равному адмиралу началась давно, еще с флотских маневров 1763 года. Тогда, глядя на неудачное маневрирование Кронштадтской эскадры, Екатерина заявила во всеуслышание:

– У нас в излишке кораблей и народа, но нет ни флота, ни моряков!

Услышав слова такие, стоявший рядом контр-адмирал Спиридов ответил Екатерине дерзко, не боясь гнева:

– Дело, ваше величество, не в кораблях и морях, кои честно, и не щадя живота, своему Отечеству любимому служат, а в тех, кто о флоте заботу иметь должен!

И сейчас, выслушав графа Ивана Чернышева, императрица ответила раздраженно:

– Полноту власти обещаю твердо! Графу Алексею дела земные, Спиридову твоему морские. Каждому стихия своя!

А на следующий день Екатерина лично приняла будущего флагмана Первой Средиземноморской эскадры. В разговоре с ним была любезна и предупредительна. Обещала исполнить все, что Спиридов ни пожелает. Уговаривала ласково:

– Зная верность вашу и усердие, к Отечеству любовь, хотела бы я поручить вам главную команду над отправляемой к грекам эскадрой!

Прощаясь, возложила на адмирала злаченый образ воителя Иоанна на ленте голубой Андреевской. Сказала, улыбаясь ласково:

– Даю сей сильный талисман. Он залогом побед ваших будет! Экспедицию ж по всегдашней к вам договоренности препоручаю под ваше ведение.

Все, беседа окончена. Арапы в белых чалмах, распахивая двери, скалили ослепительные зубы.

– Давай в коллегия! – выйдя из дворца, бросил Спиридов кучеру. Приехавши туда, Ивану Чернышеву он заявил так:

– Уж коли государыня слово дала, то, будучи в полной самостоятельности, я все, что надобно, исполню!

– Слава те, Господи! – перекрестился облегченно Чернышев. – Поздравляю с назначением на сей пост высокий, Григорий Андреевич! Отмолчался вице-адмирал и тотчас отбыл к себе в Кронштадт.

В тот же день Екатерина II писала в Ливорию Алексею Орлову: «Будучи совершенно надежны в вашей к нам верности, в способности вашей и в горячем искании быть Отечеству полезным сыном и гражданином, охотно соизволяем мы по собственному вашему желанию поручить и вверить вам приготовление, распоряжение и руководство сего подвига».

Одновременно отписала она и ордер о производстве доверчивого Спиридова в полные адмиралы. Пусть до поры до времени пребывает в счастливом не ведении и тешится малым. Окончательно задабривая Спиридова, определила Екатерина ему четыре тысячи на подъем и семьсот столовых, больше, чем кому-либо в прежние времена.

20 марта 1769 года Екатерина II подписала указ: «Мы поручили нашему вице-адмиралу Спиридову некоторую экспедицию, чего ради адмиралтейская коллегия имеет к споспешествованию оной чинить ему по его требованиям возможные вспоможения».

Императрица торопилась. Воображение ее подстегивали послания «тайного главнокомандующего» из Италии: «Эскадра наша от восьми до десяти военных кораблей и на которые несколько войск наших посажено будет, если достигнет до наших мест, чем скорее, тем лучше».

Екатерина II Алексеевна

Слыша о неисправности морской турецкой силы, о слабости их с сей стороны, надежно донести могу, что она... более страшна им быть может, нежели все сухопутное войско».

Было адмиралу Спиридову в ту пору шестьдесят, и злые болезни уже одолевали его подорванное долгой службой здоровье.

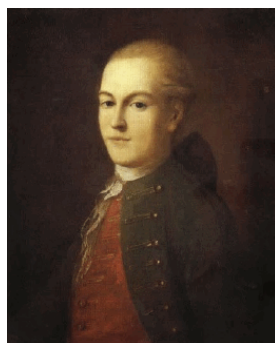
Сам адмирал происходил из рода древнего. Деды и прадеды его издавна воеводствовали в подмосковных городках, пока не вырвался в лихое петровское время на балтийские берега сын димитровского воеводы Андриушка Спиридов. Сам связавший жизнь с морем, он и сыновьям своим, Василию и Григорию, указал стезю морскую.

Старший, Василий, быстро дослужившись до лейтенантского чина, нелепо погиб в самом конце войны со шведами.

Десятилетним волонтером ступил на корабельную палубу и младший, Григорий. Довелось ему поплавать по морям Балтийскому и Каспийскому, даже на Волгу-матушку судьба заносила. В войну с турками был в адъютантах при командующем Донской флотилией адмирале Бредале. Учил его старый моряк мыслить толково, решений смелых не бояться. Обучая, говаривал смышленому адъютанту слова петровские, что в уставе морском на века:

– Порядки писаны, а времен и случаев нет!

Затем были моря и походы иные. Прошел адмирал по всем ступеням службы морской: штурмовал крепости и рубил вековые леса, преподавал науки и водил эскадры. Все было на долгом веку адмиральском!

Григорий Григорьевич Спиридов

Учителей он имел именитых: Апраксина, Бредаля да Мишукова. Друзей верных: Семена Мордвинова, Харитона Лаптева да Нагаева Алексея.

Но так уж распорядилась судьба, что все проделанное им ранее стало лишь подготовкой к великому делу, которое предстояло совершить теперь. Отныне имя его прочно и навсегда вошло в историю – имя первого флагмана России, на долю которого выпала честь вести эскадру к далеким берегам южных морей.

Перво-наперво отобрал Спиридов в состав Средиземноморской эскадры следующие корабли: «Святой Евстафий Плакида», «Святой Иануарий», «Северный орел», «Три Иерарха»⁷, «Три Святителя»*, «Святослав» и «Европа».

Фрегатом определил «Надежду Благополучия», уже побывавшую в средиземноморских водах. Бомбардирским кораблем решил адмирал брать «Гром»*. Он хоть и был поменьше своего собрата «Страшного», но зато исправнее и крепче его.

Капитанов адмирал подбирал себе сам. Брал самых достойных и в деле морском искусных. Такие фамилии, как Круз, Клокачев, Барш и Хметевский, говорили сами за себя.

⁷ Ф.М. Апраксин (1661–1728) – генерал-адмирал, соратник Петра I. Являлся главным начальником Адмиралтейского приказа и первым президентом адмиралтейств-коллегии; Л.П. Бредаля (? —1756) – норвежец, адмирал, на русской службе с 1703 года; И.М. Мишуков (1684–1762) – адмирал, длительное время командовал Балтийским флотом; К.П. Лаптев (? — 1763) – капитан 1-го ранга, выдающийся исследователь Сибири, в последние годы служил на Балтийском флоте и преподавал в Морском корпусе.

Флаг-капитаном по совету Мордвинова назначил капитана 1-го ранга Федора Плещеева, удачно сходившего несколько лет назад на фрегате «Надежда Благополучия» в Средиземное море. В свое время Плещеев командовал фрегатом, на котором проходили практику сыновья Мордвинова. Капитан дал им блестящую аттестацию, и оба они вне очереди были произведены в мичманы. Спиридов рекомендованным флаг-капитаном остался доволен. Плещеев являлся не только опытным и образованным капитаном, знавшим дюжину европейских языков, но и одним из лучших гидрографов русского флота. Помимо всего прочего, во время плавания на «Надежде Благополучия» под началом Плещеева было совершено важное открытие. Дело в том, что на фрегате был послан в Средиземное море знаток древностей Г. Оссюр, чтобы смотреть развалины древней Греции. На острове Святая Мавра, осматривая остатки Аполлонова храма, он нашел каменную плиту. Когда матросы плиту подняли, под ней нашли сверток плотной бумаги, а в нем рукопись поэмы Сафо «Фаонида». Так с помощью русских моряков была возвращена человечеству поэма великой античной поэтессы. Когда капитанский вопрос был уже утрясен и утвержден на коллегии, прибывший из Петербурга в Кронштадт Чернышев неожиданно потребовал, чтобы, помимо уже назначенного в экспедицию шотландца Грейга, был определен в капитаны и англичанин Роксбург. Таково было желание императрицы. Узнав о приказе, Спиридов ругался страшно. Иностранцев он не любил,

Корабль «Святой Евстафий Плакида» был назван в честь одного из святых, день памяти которого приходился на 20 сентября и совпадал с днем рождения сына Екатерины II Павла. Но делать было нечего, и адмирал скрепя сердце подписал гербовую бумагу о назначении Роксбурга капитаном «Трех Святителей» вместо недавно определенного туда Степана Хметевского.

Корабль «Три Святителя» («Трех Святителей») правильно и полно именовался «Трех Святителей: Петра. Алексея и Иова» и был назван так Екатериной II в честь трех московских митрополитов. Бомбардирский корабль «Гром» имел следующие размерения: длина – 95 футов, ширина – 27 футов, осадка – 11 футов. На вооружении состояло: 3 мортиры, 10 пушек; по некоторым источникам, количество пушек составляло 12.

Незаслуженно обиженному каперангу сказал:

– Помню, ценю и люблю! Приплывешь ко мне со Второй эскадрой – отдам «Святителей», приплывешь с Третьей – все одно они твои!

Все дни Спиридов пропадал на снаряжавшихся кораблях, а ночами вместе с Алексеем Сенявиным просиживал за чертежами, изобретая для Азовской флотилии особые суда. На сон, еду и семью времени не было!

Несмотря на грозный приказ Екатерины «Всего давать в экспедицию щедро!», каждый гвоздь, каждый фунт солонины вырывался со скандалом, с боем.

– Воистину: у нас легче украсть, чем получить положенное, – мрачно шутили моряки.

Без задержки выдавали одни чугунные балясины...

Целыми днями обивали пороги бесчисленных портовых контор brave капитаны. Сыпались в кошельки складских толстосумов звонкие офицерские червонцы...

Спиридов издергался, стал вспыльчив и криклив. Что не мог взять законно, вышибал горлом. Но все равно дело двигалось медленно. Кончилась весна, а корабли еще не имели ни команд, ни пушек, ни припасов. Только метались из конца в конец взмыленные курьеры и торопили, торопили, торопили...

По совету флаг-капитана Плещеева уходящие корабли обшивали просмоленным войлоком, набивая поверх него дюймовые доски, чтоб от древоточцев предохраниться. Процедура кропотливая! Вначале команды освобождали от грузов трюмы, наглухо законопачивали все люки, затем корабли килевали, очищая попеременно борта и днища от ракушек, и только затем обшивали корпуса. Работая, не покладая рук, к весне все корабли Первой эскадры привели в надлежащий порядок.

Хватало забот и с провизией: на такой большой срок ее еще никогда не заготовляли. Особенно много набирали морских сухарей тройной закладки, которыми доверху засыпали брот-каморы, да любимой русскими моряками архангельской трески. От цинги грузили мешки с еловой хвоей. Не хватало матросов, и корабли комплектовали солдатами и рекрутами. Капитаны ругались до хрипоты, наотрез отказываясь от такого пополнения, но, не видя иного выхода, брали, ругались – и брали вновь. Не имелось навигационного инструмента и лекарств...

Не хватало многого, но ждать более было нельзя, время поджимало.

– Торопь такая, что некогда и чихнуть, – мрачно шутили матросы, таская на взмокших спинах съестные и питейные припасы.

Из штатов Кронштадтского порта Спиридов вытребовал мастеровых из цехов: корабельного, ластового, мачтового, блокового, котельного, литейного, компасного, малярного и печного. Позабирал адмирал с верфей плотников и конопатчиков, парусников и прядильщиков, кузнецов и пильщиков, хлебников и даже мясосольных учеников. Выгреб все под метелку.

Уступив просьбе Спиридова, Екатерина II пожаловала офицеров и всех корабельных служителей с уходящих кораблей четырехмесячным жалованьем «не в зачет». Особенно радовались выдаваемым деньгам женатые матросы: их матроски с ребятишками не будут нищенствовать хотя бы первое время.

Каждое утро, еще затемно, адмирал проводил скорые консилиии с капитанами кораблей и знатными корабельными мастерами, давая им задания на день.

– Из кораблей всех боюсь я более за «Северный Орел», уж больно он не крепок в сравнении с остальными, – делился он своими сомнениями с корабелями.

– До берегов аглицких корабль сей доплывет. За то головы свои кладем смело. Но уж в Англии «Орел» чинить будет надобно, – отвечали ему старшие из мастеров, Селянинов и Афанасьев.

– А каково будут безопасны от пожаров возможных крюйт-каморы корабельные? Не будем ли гореть на виду всей Европы, как наши «Паша» с «Сашей»⁸?

– Каморы обобьем добротнo листом свинцовым, а дерево пропитаем составами негорючими, так что будьте покойны, Григорий Андреевич! – успокоили его седые мастера.

Политическая обстановка, однако, оставалась сложной. Непокойно было в Швеции. Профранцузски настроенный наследный принц Густав (будущий король Густав III), поощряемый своим воспитателем бароном Шеффером, готовился нанести удар по «Северному аккорду» и выступить в январе 1769 года на сейме с речью о реванше итогов Северной войны.

Густав III

⁸ В августе 1764 года в Ревельском порту по халатности корабельного констапеля, рассыпавшего порох в крюйт-каморе, сгорели дотла линейные корабли «Святой Павел» и «Александр Невский».

Екатерина II с Никитой Паниным были встревожены выходкой шведского принца не на шутку. Ситуация молниеносно обострялась, возникала реальная угроза новой войны. Из-за необходимости усиления Балтийского флота затрещал весь «греческий проект» Орловых.

Воспользовавшись обстановкой, принялся Никита Панин отговаривать Екатерину от Архипелагской экспедиции:

– От сей затеи, государыня, одни неприятности да склоки по всей Европе. Вот и швед уже зашевелился, пересмотра трактата Абосского требует, нынче корабли спиридовские нам и здесь сгодятся!

Но Екатерина, проявив выдержку, от проекта и на этот раз не отступила.

– Флот к берегам греческим, Никита Иванович, посылать будем, а против замыслов шведских выставим свою эскадру Резервную, – заявила она президенту Иностранной коллегии. – Вам же предстоит купить с потрохами сейм шведский. Денег не жалеть: сколько запросят – столько давайте, кровь денег дороже!

Русский посол в Стокгольме граф Иван Андреевич Остерман затребовал у Панина на подкуп двести тысяч рублей, затем еще и еще. Узнав о «финансовой диверсии» Екатерины II, французский министр иностранных дел Шуазель сделал ответный ход и одарил, со своей стороны, золотом «французскую партию» сейма. Но и Панин не отступал. Русское золото щедро текло в карманы не только сторонников России, но и ее противников. Результат не замедлил сказаться.

Сейм проголосовал против предложений принца Густава. Шведская Конституция 1720 года оставалась в силе, и Россия смогла наконец-то вздохнуть спокойно.

Иван Андреевич Остерман

В русском правительстве упрямо продолжал борьбу против экспедиции одинокий Никита Панин. И если в борьбе со шведскими реваншистами он действовал под жестким контролем Екатерины, то когда представлялся случай чем-либо помешать «орловской затее», а императрицы не было рядом, тут уж президент Иностранной коллегии своего не упускал. Его ненависть порой доходила до смешного. Так, просматривая черновик высочайшего рескрипта Спиридову и вычитав там фразу «рассудили воспользоваться случаем к освобождению греков», граф Панин немедля перечеркнул слово «освобождению» и, брызгая чернилами, со скрипом размашисто начертил сверху: «облегчению жребия». Свое неприятие экспедиции он распространил и на Спиридова, ставшего для него конкретным виновником всей этой затеи...

В эти дни английский посол Каткорт получил секретную депешу от министра иностранных дел Рочфорда, которая в пути была, впрочем, уже тщательно перлюстрирована агентами Екатерины. Лорд Рочфорд писал: «Несмотря на то что король заявил полнейшую и искреннюю готовность оказать всю желаемую императрицею помощь морской экспедиции, которой она так интересуется, тем не менее его величество желал бы, чтобы было обращено большее внимание на препятствия, могущие встретиться при исполнении этой мысли».

Сообщения с театра военных действий за июнь 1769 года:

9 июня. Двухсоттысячная турецкая армия во главе с великим визирем перешла Дунай и двинулась к Бендерам, имея целью вторжение в Новороссию.

24 июня. Генерал Голицын вновь начал переправу через Днестр к Хотину, чтобы привлечь к себе турецкую армию.

27 июня. Значительный отряд неприятеля, шедший из Ясс к Хотину на подкрепление, атаковал наш авангард. Перестрелка продолжалась до самой ночи, и турки вынуждены были отступить за Прут. В тот же день при местечке Надворном отряд капитана Тотовича разбил наголову сильный отряд польских конфедератов под предводительством Твардовского, положив на месте 45 человек. Сам Твардовский был взят в плен.

30 июня. Турки выступили из Хотина силою до 30 тысяч человек, которые выстроились к бою, показывая вид решительного нападения. Тогда армия наша тоже построилась в боевой порядок, намереваясь опрокинуть противника. Но едва сделано было несколько пушечных выстрелов и брошено две-три бомбы, как все неприятельские войска поспешно отступили в Хотин.

Из Восточной тайной экспедиции:

Июнь 1769 года. К острову Умнак, где зимовал Креницын, прибыл гукор «Святой Павел». Покидая место зимовки, Креницын велел поставить на берегу деревянный крест. Под крестом в скважине оставил памятную записку. Суда двинулись в Нижне-Камчатск. В течение трех последующих дней были описаны все острова группы Креницына. Отделясь от галиота «Святая Екатерина», капитан-лейтенант Левашов на гукоре искал южнее острова Умнака землю, но не нашел. Описал четырехсопочные острова, лежащие между Умнаком и Амухтой. Затем «Святой Павел» прошел проливом между островами Амухта и Амля в Берингово море и после тяжелого двадцатидневного плавания достиг острова Медный. Исследования продолжались...

Обойдя еще до подъема флага эскадру на катере, капитан 1 – го ранга Плещеев велел грести к «Трем Святителям». Там с портовых баркасов перегружали груды овчинных шуб. Разгневался флаг-капитан, такое увидевши:

– Чей это приказ – овчины нагружать?

С квартердека словоохотливо пояснили:

– А Роксбурга, капитана нашенского!

Скривился Федор Плещеев.

– От шуб сих токмо дух вонючий да вошь расплзается. Кидайте обратно в баркас!

От «Святителей» велел он квартирмейстеру править катер к арсеналам, куда сегодня должны были доставить вытребованные для эскадры единороги. Ставить эти новейшие орудия на корабли долго не решались, опасаясь, как бы сноп огня из коротких стволов не вызвал пожара. Однако Спиридов на единорогах настоял, и их наконец-то привезли. Подле орудий нашел Плещеев и самого адмирала. Спиридов наставлял цейхмейстера Ивана Ганнибала:

– Однорогов дадено нам самая малость, посему ставить будем на гон-дек по паре картаульных, на опер-дек по паре полукартаульных, а на полудеках станем крепить трехфунтовые фальконеты.

Широкоскулый, смуглый Ганнибал лишь кивал согласно.

Иван Абрамович Ганнибал

Завидев Плещеева, пригласил его Спиридов в портовую конторку ознакомиться со скопившимися бумагами. Там же велел он флаг-капитану заготовить ордер на то, чтобы такелаж корабельный для большей прочности немедленно начинали обливать тиром – смолой древесной, с салом перемешанной.

В дверь заглянул адмиральский адъютант Кумани.

– Ваше превосходительство, к вам офицеры на прием просятся!

– Давай! – Спиридов оторвал голову от бумаг.

Скрипнула входная дверь, и перед адмиралом вытянулись два бравых офицера в зеленых, с белым подбоем корабельных кафтанах.

– Слушаю вас! – Спиридов глядел устало.

– Офицер корабля «Святая Екатерина» капитан-лейтенант Извеков! – доложил старший из вошедших.

Рыжие космы его упрямо торчали из-под короткого мастерового парика.

– Не надворного ли советника Степана Извекова сынок будешь? – спросил адмирал.

– Точно так, ваше превосходительство.

– Мы с батюшкой твоим еще с Донской экспедиции знали, отчаянный был капитан, Царство ему Небесное! – Спиридов перевел взгляд на второго из явившихся.

– Офицер того же корабля мичман Ильин! – представился тот.

Мичман был худ, курнос и застенчив.

– Ну-с, с чем же вы пожаловали ко мне? – поднялся из-за стола адмирал.

Он подошел к офицерам и, встав рядом, приободрил растерявшегося Ильина:

– Не робей, мичман, выкладывай смело!

– Ваше превосходительство! – густо покраснев, отвечал Ильин. – Мы горячо желаем быть в полезности Отечеству нашему в сей трудный для него час. Просим оказать нам великую честь, зачислив в экспедицию. – Он перевел дыхание. – Все!

Каперанг Плещеев, полистав записную книжку, покачал головой.

– Вакансий нет!

Спиридов немного помолчал.

– Хорошо. Ступайте! – Он махнул рукой, давая понять, что разговор окончен.

Офицеры, лихо развернувшись на каблуках, так что шпаги описали на отлете приличный полукруг, вышли, печатая шаг.

Глядя на них в окно, Спиридов почувствовал, как остро завидует этим молодым ребятам, у которых все еще впереди.

«Черт знает что, – подумал он. – Давно ли я сам вот так же напрашивался под ядра у Азова, и годов мне было не более, чем этим просителям, а вот теперь они хотят одного: чтобы им позволили умереть за Отечество!»

А Извеков с Ильиным еще долго бродили, сбивая ботфорты о брусчатку Кронштадта, силясь понять, что значили спиридовские слова.

Через сутки на линейном корабле «Святая Екатерина» огласили ордер, коим предписывалось капитан-лейтенанту Извекову определить капитаном уходящего в экспедицию пинка «Лапоминк». А мичмана Дмитрия Ильина – командиром мортирной батареи бомбардирского корабля «Гром».

В преддверии плавания в южные воды остро встал вопрос о предохранении кораблей от морских червей-древоточцев. По совету бывшего капитана фрегата «Надежда Благополучия» капитана 1 – го ранга Федора Плещеева, уже побывавшего на Средиземном море, было решено обшить корабельные корпуса дополнительным предохранительным слоем досок. Обшивка корпусов при всей ее необходимости еще больше задерживала подготовку кораблей. В марте 1769 года адмиралтейств-коллегия докладывала по этому поводу императрице: «Высочайше В.И.В. благоволение есть, чтоб показанный флот по первому всевысочайшему В.И.В. повелению немедля в море выступить мог, то за сим коллегия собою к вышеписанному предприятию приступит смелости не имеет, и всеподданейше испрашивает о сем всевысочайшего В.И.В. указа». Скрепя сердце Екатерина II наложила на прошение резолюцию: «Быть по сему, а обшивать, сколько успеют».

Фрегат пятого ранга XVII–XVIII века

Корабельному офицеру времени для сборов к новому месту службы надо немного, вещей нажитых – раз-два, и обчелся.

В тот же вечер Ильин вкупе с Извековым давали в близлежащей от порта фортыне отходную. Скинув парики и отстегнув шпаги, пили бравые мореходы водку перцовую с вином красным, вспоминая прошлое, гадали о будущем. Моряков всегда связывает между собой нечто большее, чем просто служба. На корабле все на виду. Радости и горести каждого становятся здесь общим достоянием, вызывая то шутки, то осуждение, то сочувствие.

– Кто знает, друзья, соберемся ли еще вместе! – обвел глазами собравшихся Извеков. – Так разошьем же прощальную братину!

– Эх, края италийские да мальтийские, неблизкий путь до вас, а с басурманами биться и того не легче. Удачи вам! – пожелал покидающим «Екатерину» офицерам лейтенант Григорий Козлянинов⁹. На безымянном пальце лейтенанта золотой перстень. На перстне крест ордена Мальтийского – четыре наконечника стрел, остриями сомкнутые.

Корабельная молодежь искренне завидовала счастливицам, более старшие просто радовались удаче товарищей. Гардемарин же Ваня Фомин чуть не плакал от отчаяния: как-никак он по выпуску из корпуса проделал уже три кампании, всегда старался во всем быть первым, мечтал о путешествиях, дальних плаваниях, открытиях, а тут такой конфуз! Самое обидное, что с эскадрой уходили его однокашники: Сашка Бордуков, Андрюшка Растопчин, Володька

⁹ Т.Г. Козлянинов (1740–1798) – адмирал и член адмиралтейств-коллегии, участник многих дальних плаваний. В 60-х годах XVIII века проходил стажировку на мальтийском флоте. Отличился в Архипелагской (1769–1774) экспедиции, в русско-шведской войне (1788–1790).

Ржевский. Вчера, проходя мимо по набережной, гордый своим назначением на «Трех Святителей», Андрюха Растопчин даже не поздоровался, отвернулся, будто и не заметил вовсе.

Когда счисление навигацкое в корпусе списывал, первый друг был, а теперь зазнался. А он до последнего дня, пока набирали команды на уходящие суда, надеялся, что кто-нибудь о нем вспомнит. Напрасно! Прощайте, дальние моря и загадочные греческие острова, жестокие сражения с турками и улыбки освобожденных наложниц! Вместо этого опять нудные практические плавания подле Красной Горки.

От духоты кабацкой и дум безрадостных распахнул Ваня зеленый корпусной мундирчик с лацканами белыми и, подперев рукой подбородок, глядел на всех горестно.

– Ничего, Ванюша! – угадав гардемаринские думы, подбодрил его Извеков. – Придет и твой черед!

Да, так оно и будет. Через год на линейном корабле «Всеволод» уйдет Ваня Фомин в Средиземное море. Будут бои жестокие и кровавые, плавания дальние и опасные. Через много лет воплотит он в жизнь мечты своей юности, приняв под команду Удинский порт, что на далеком Охотском море. Откроет новые берега и земли, отдав Великому океану пятнадцать лет службы. И на склоне лет, отставным адмиралом, будет вспоминать с теплой улыбкой тот далекий вечер и друзей, чьи имена давно уже стали легендой. А пока Ваня Фомин с печалью смотрел на своих товарищей, и слезы горькой мальчишеской обиды стояли в его глазах.

Корабли эскадры по одному подтягивались в Среднюю гавань и грузились порохом.

Сообщения с театра военных действий за июль 1769 года:

2 июля. Утром обе стороны у Хотина приготовились атаковать друг друга. В 5 утра многочисленная неприятельская конница бросилась на наш левый фланг и смела стоявшие там легкие войска, а потом устремила на карабинеров, которых тоже опрокинула. Вслед за тем были расстроены и окружены войска генерала Штофельна, стоявшие на правом фланге. В этот критический момент два батальона наших гренадер, стоявшие в резерве, атаковали в штыки и отбросили неприятеля. Последующие атаки турок успеха не имели. Гренадеры просили идти вперед на неприятеля... Вскоре новые огромные силы турок, до 70 тысяч человек, под начальством румелийского сераскира Магомет-паши стремительно напали на нас со всех сторон. Сильный ружейный и пушечный огонь вырывал из рядов неприятеля множество жертв, но, несмотря на это, атаки возобновлялись одна за другой в продолжение нескольких часов. Тогда Апшеронский полк, гренадеры и артиллерия взосли на господствующие высоты и открыли меткий продольный огонь по густым массам пехоты. Турки частью отошли в ретраншемент, устроенный при крепости, часть удалились за Прут. На другой день генерал Голицын намеревался атаковать хотинский ретраншемент, но неприятель, боясь нападения, сам оставил его. Захвачены

7 знамен и большой обоз, на поле боя найдены более 300 убитых турок. Наши потери 55 убитых и 128 раненых.

8 июля. Русские войска полностью обложили крепость.

14 июля. Начата бомбардировка Хотина. Многочисленность скопившихся в крепости войск увеличивала потери. Сам Сераскир-паша не успел ускакать за Прут и укрылся в Хотине, что, как доносили пленные, ему очень не нравилось. Притом же войска были более безопасны только в замке, который буквально был набит ими. Остальные же подвергались большой потере от наших выстрелов. Тем не менее неприятель решился отчаянно защищаться. Хотинская крепость была взята в блокаду.

В это самое время, проделав семитысячемильный путь от тихоокеанских берегов, добрались до Санкт-Петербурга смертельно уставшие мореходы Тимофей Шмелев и Федор Лобашков. Привезли они описание земель, дотоле не известных, от реки Камы до Медвежьих островов. Доставили и первого американца – крещеного алеута Осипа.

Опрос чинили мореходам адмиралы Нагаев и Мордвинов. Дотошный Нагаев все услышанное записывал тщательно, опрашивал обстоятельно, со знанием дела.

Вскоре Шмелев с Лобашковым отправились обратно, а бумаги их, опечатанные красным сургучом, легли в секретные архивы.

Адмиралтейств-коллегия непрерывно направляла экспедиции на север, восток и юг – русский флот спешил осваивать океанские просторы.

Глава пятая

*Ступай и встань средь окіяна
И брось своих гортаней гром.*

Г. Державин

Бомбардирский корабль «Гром» невелик собою, всего в девяносто пять футов длиной, а шириной в двадцать семь. Полсотни матросов и пять офицеров составляют всю его команду.

Для эскадренного боя корабль этот не приспособлен. Его дело – бомбардировать приморские крепости.

Еще в конце семнадцатого века французы первыми установили на шаткую корабельную палубу тяжелые мортиры для навесной стрельбы по берегу. Так был создан новый тип судна – бомбардирский галиот.

Главное оружие «Грома» – две огромные мортиры, что стоят на свинцовых поддонах, чтобы палуба при выстрелах не проседала. Палят мортиры эти будь здоров да и бомбы бросают немалые, пудов на пять-шесть! Помимо мортир, на случай нападения неприятельского корабля в море вдоль бортов еще десяток шестифунтовых пушек расположено. На первый взгляд вроде бы и немного, но если капитан с головой да команда лихая, этого вполне хватит, чтобы отбиться.

«Что ж, – решил мичман Ильин, добираясь попутной шлюпкой к стоявшему на рейде «Грому», – будем считать, что мне повезло».

Взобравшись по штормтрапу на борт корабля, представился он капитану «Грома» лейтенанту Перепечину.

Иван Михайлович Перепечин был личностью, на флоте известной. Славился капитан «Грома» двумя особенностями: пристрастием к пальбе бомбами и любовью к сказкам. Служителей своих по этой причине именовал он в зависимости от настроения то добрыми молодцами, то соловьями-разбойниками, корабль – Горынычем, а заведовавшего корабельной комиссарской частью мичмана Василия Машина за удобу и должность занимаемую – Кошеем.

Нового командира мортирной батареи Перепечин встретил приветливо.

– Знакомься с Горынычем, добрый молодец, – сказал, руку пожимая, – денка два тебе на то определяю, и за дело!

Однако уже через час Ильин встал на погрузку. А спустя день заменил убывшего в столицу ревизора. Ему капитан корабля и поручил перечесть все погруженные припасы.

Захватив с собой матроса с фонарем, спустился Ильин в трюм. В лицо сразу же пахло затхлостью. В углах возились крысы.

– А ну-ка, подсвети! – Мичман с трудом пробирался среди завалов провизии.

Шедший сзади служитель поднял над головой фонарь. Серые твари разом смолкли, шмыгнув в стороны. Но ушлый матрос, изловчившись, все же пнул одну из них вдогонку. Здоровенная крыса с облезлым хвостом, взвизгнув, отлетела далеко в сторону и исчезла во тьме.

– Эка сволочь, – пробурчал матрос, почесывая босую ногу, – все же, подлая, грызнула!

– Свети ближе! – Ильин принялся пересчитывать провизию.

Слева от прохода громоздились тяжелые кули с овсяными крупами.

– Всего сто двадцать один пуд, – записал он, капая чернилами.

Далее шли дубовые бочки, перехваченные обручами, – там солонина. Рядом соль и масло, но уже в бочках дерева соснового. За ними внавалку гора пятипудовых мешков, в них мука, ржаные и пеклеванные сухари. Подле борта бочонки с красным вином, уксусом и сбитнем.

Из интрюма перешли в каюту шкиперскую. Там Ильин подсчитал сало и парусину, брезент и кожи. Оттуда сразу в крайт-камеру.

Крюйт-камера на «Громе», как и на других небольших судах, была одна и располагалась в кормовой части, недалеко от камбуза.

У тяжелой дубовой двери сдал мичман часовому ключи, отстегнул шпагу и снял башмаки. Сопровождающий его констапель вставил в особый фонарь сальную свечу, дно фонаря залил водой и, не торопясь, отпер дверь. В середине крюйт-камеры помещался обитый свинцом бассейн, туда перед боем ссыпали порох для набивки картузов. Вдоль стен на решетчатых полках были расставлены бочки с порохом и пороховой мякотью, разложены картузы, кокоры, фальшфейеры и прочие артиллерийские снаряжения. Меж ними ящики с углем от сырости.

Покончив с крюйт-камерой, доложил Ильин капитану:

– Порох сухой и готов к действию. В каморе порядок добрый.

– Ну и ладно, – отвечал Перепечин, таким докладом довольный, – пора нам и откусать чем Бог послал.

В тот день по приглашению офицеров капитан обедал в кают-компании. Похлебав супца и отодвинув в сторону оловянную тарелку, Ильин обратился к Перепечину:

– Дозволено ли нам, Иван Михайлович, жалованье будет женам частично оставлять?

– Намедни флаг-капитан обещал таковой ордер на подпись адмиралу изготовить. Кстати, жена твоя ноне где обитает?

– Да здесь, в Кронштадте.

– Тогда съезжай сегодня с обеда домой, боле времени не будет!

Но отбыть днем на берег Ильину так и не удалось. Навезли баржами гаубичных и мортирных бомб, погрузкой которых он и занимался. Каждую обмерял, сходны ли диаметры бомбовые с калибрами мортирными. За отсутствием свободных помещений велел раскладывать бомбы в сбитые из досок ящики, которые матросы ловко крепили прямо к палубе между грот-и фор-люками...

Шлюпкой Дмитрий добрался на Кронштадтскую набережную уже затемно. На звон колокольца выбежала девка-прислужница.

– Ой, барин приехали! С прибытьцем вас! – затараторила она, пропуская в переднюю.

Скинул Ильин шляпу, шпагу отставил. А навстречу уже бежала радостная Екатерина Никитична, его единственная и несравненная Катя, Катюшенька.

– Митенька мой! – только и смогла произнести, утонув в его объятиях... Утром следующего дня Дмитрий Ильин был уже на корабле, не ведая, что впереди разлука с любимой на шесть долгих лет.

Несмотря на все прилагаемые старания, уходящая в Средиземное море эскадра смогла вытянуться на рейд только к середине июля.

Четырнадцатого числа адмирал Спиридов поднял свой флаг на корабле «Евстафий» и отдал ордер: «Все суда эскадры должны быть готовы к походу сего числа, дабы, когда повеление дано будет, не мешкая ни получаса, могли вступить под паруса...»

На другой день на свежем кронштадтском ветру весело заполоскались длинные косицы трехцветных вымпелов и огромные полотнища андреевских флагов. Эскадра рапортовала флагману о готовности к походу.

Тогда же был проведен командам и судам депутатский смотр, на котором представители адмиралтейств-коллегии лично убедились в справедливости письменных докладов. Спиридов, правда, пытался выпросить еще две недели на окончательное приготовление к отплытию, ссылаясь на то, что стали на эскадре множиться от великой тесноты хворые и немощные...

Но депутаты просьбе не вняли, а, надвинув парики на лбы покрепче, отвечали доверительно:

– Плавание нам задерживать ноне никак нельзя, сама государыня каждодневно торопят, а что народ хворать стал, не такая уж и беда. Хворые перемерут, а здоровые останутся. Осъм-

надцатого числа императрица лично изволит прибыть на проводы в Кронштадт. Так уж, если что не так выйдет, пеняй на себя, Григорий Андреевич!

И, заскрипев перьями, депутаты размашисто подписали бумагу о полной исправности спиридовских судов.

Меж тем разговоры о повальных болезнях среди уходящих в плавание команд достигли Екатерины. Обеспокоенная возможными последствиями, императрица тотчас отписала вице-президенту коллегии Мордвинову письмо следующее: «Слыша, что в Кронштадте число больных морских служителей гораздо умножилось, послала нарочно своих двух лейб-медиков, Круза и Шилинга, дабы они, осмотря сих больных, испытали причины болезни... Прикажите показать им все госпиталя и всех больных...»

Получив письмо, всполошился Семен Мордвинов, опрометью бросился в Кронштадт, лейб-медиков опережая. А когда те прибыли, то госпитали были пусты, хоть шаром покати! А кавалер и адмирал Мордвинов делал круглые глаза да плечами пожимал недоуменно – мол, что есть, то есть! Покрутились туда-сюда медики и в Петергоф с докладом утешительным уехали.

Семен Мордвинов больных не излечил, он их просто-напросто разогнал по эскадре. Суда еще не двинулись в путь, а в чревах их уже гнездилась смерть...

Спиридову вице-президент коллегии объяснил:

– Не печалься, хворых непременно сниму перед отплытием, зато на свой страх и риск дам тебе еще несколько деньков после государственного смотра. Перейдешь на рейду Красногорскую и там постоишь спокойно, в порядок приводясь. Но уж государыне рапортуй, что готов следовать в путеплавание хоть сегодня!

Ох, и хитер был флотский главнокомандующий, адмирал, генерал-аншеф и кавалер Мордвинов. Да и то – иначе в его кресле не усидишь, вмиг сковырнут, вот и вертелся Семен Иванович ужом скользким.

– Что ж поделать, согласный я! – смирился Спиридов. – Куда ни глянь, везде дрянь!

Над Финским заливом гуляли крепкие остовые ветра, выгоняя мутный поток из Кронштадтской гавани.

Наконец наступил день восемнадцатого июля 1769 года, когда уходящих в дальнейшее плавание должна была посетить сама Екатерина II. На ней простое, без особых вычурностей платье, на голове маленькая модная шляпка «бонне а-ля нотабль».

Экспедиция секретная, потому и визит императрицы устроен без лишней огласки. В предшествующую визиту пятницу Екатерина под предлогом прогуливания покинула столицу и переехала в Ораниенбаум. При ней Григорий Орлов, Иван Чернышев и неболтливая фрейлина Полянская. В два часа пополудни от тихой и неприметной пристани Ранинбома отошли и быстро заскользили по глади залива две шлюпки. Дюжие гребцы в зеленых кафтанах разом закинули за плечи пышно завязанные тафтяные галстуки и мощными гребками погнали шлюпку на север, к виднеющимся вдалеке деревянным фортам Кронштадта.

Зрелище стоявшей на якорях эскадры было великолепно. Борта кораблей блестели свежей краской, рангоут выпрямлен, снасти обтянуты, команды по реям, офицеры во фронт. На матросах новые фуфайки, широченные белые брюки, все в круглых шляпах и в башмаках: ни дать ни взять – франты!

Екатерина, сидя на застланной коврами кормовой банке, любовалась своим флотом. И было на что посмотреть! Что ни корабль, то шедевр. Вычурные изгибы и извивы барокко, резные балюстрады кормовых балконов, затейливость бесчисленных завитков и раковин – все слепило золотом. Кариатиды и амурсы, дельфины и сирены. Каждая деталь неповторима.

Шлюпка проходила под бортом новейшего «Трех Иерархов». На корме линейного корабля вольготно возлежали сразу четыре соблазнительные в своей наготе нимфы, на княвдигеде хмурил брови свирепый римский легионер...

«Трех Иерархов» был памятен императрице особо – год назад она самолично спускалась на нем со стапелей. Екатерина приветливо помахала команде знакомого корабля платочком.

Стоявший вахтенным офицером на «Громе» Дмитрий Ильин записал в шканечном журнале: «В 4 часа пополудни на корабле “Святой Евстафий” поднят был с фор-стенги флагштока красный флаг с белым андреевским крестом; в 4 часа видно нам... идущие под парусами 4 придворные яхты к Кронштадтскому порту, в то же время изволила прибыть на 2-х шлюпках Ея Императорское Величество на корабль “Святой Евстафий”».

Гремели оркестры. С царской яхты палили семикратно. Крепость тем же числом отвечала. Шлюпка с Екатериной подошла к правому парадному трапу флагманского корабля. На трапе по случаю торжества натянули новые обвесы – шканцклейдеры, красные с белой каймой. На верхней площадке фалрепные бережно, но крепко подхватили запнувшуюся было, о баясину царицу. Наградой им был ее великодушный взгляд. Подле трапа замер взвод матросов с барабанщиком и офицером во главе. Все молодец к молодцу, ребята статные! Едва лишь Екатерина вступила на палубу, матросы лихо сделали «на караул», а барабанщик забил дробь.

Адмирал Спиридов, в парадном, шитом золотом мундире, в шляпе «с поддишпанием» и пышным плюмажем, отсалютовал шпагою, доложил по всей форме. За адмиралом в строю капитаны кораблей и судов, офицеры эскадры и команда «Евстафия».

Подставив для поцелуя командующему пухлую руку, императрица уселась в приготовленное кресло. Подле теснились Орлов, Чернышев и Мордвинов. Не переставая улыбаться, Екатерина медленно и с достоинством отпила из бокала несколько глотков вина за здоровье отплывавших и жестом подозвала к себе Спиридова. Когда же подошедший адмирал, с трудом сгибая больные ноги, опустился на колени, надела ему орден Святого Александра Невского и муаровую ленту через левое плечо, сказала:

– Девиз сего ордена: «За труды и Отечество!» Всегда помни о том и подражай на водах эгейских славе и храбрости угодника Александра!

– Благодарствую, Ваше Величество, в плаваниях и баталиях не пощажу живота своего! – молвил адмирал, с колен поднимаясь.

Началась церемония приложения офицеров эскадры к руке – первая жалованная им монаршья награда, данная вперед. После того как последний мичман, с подкашивающимися от волнения ногами и трясущимися губами, чмокнул кисть императрицыной руки, Екатерина безглаголиво обтерла ее о бархат кресла и произнесла напутную речь, закончив ее словами:

– Желаю сердечно, чтоб всех зол течение и бури вас оставили и допустили исполнить желанное! Дай Бог вам счастливый путь и добрый успех!

Тысячный строй ответил дружным «виват»! Музыканты, натужно надув щеки, рванули марш.

– Пора бы, матушка, и в путь обратный, а то как бы тебя не хватились! – нагнулся к императрице Григорий Орлов.

– И то верно, друг мой. – Екатерина обошла строй и направилась к трапу. За ней Орлов и адмиралы. У борта императрица обернулась:

– Григорий Андреевич! Я прошу вас как можно скорее поспешить на помощь графу Алексею.

Спиридов, помня мордвиновский наказ о молчании, лишь утвердительно кивнул головой.

Уже собираясь спускаться в шлюпку, Екатерина вдруг опять обратилась к нему:

– Может, просьбы какие будут напоследок?

И адмирал не сдержался:

– Просьба старая, ваше величество. Прошу самостоятельности полной во всех начинаниях и действиях моих!

– На сей счет я уже говорила! – недовольно поджала губы императрица. – Вам для того и чин адмиральский жалован, чтоб с графом Алексеем сравняться. Моему слову могли бы и верить.

И, не попрощавшись, она сошла с корабля. Шедший следом Григорий Орлов, свидетель разговора, с ненавистью зыркнул на Спиридова, прошептал злобно:

– Чтобы назавтра и духу твоей эскадры в Кронштадте не было! А разговор сей ты у меня еще попомнишь!

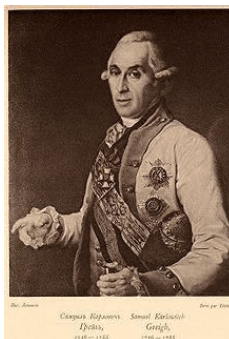
Шлюпка с императрицей и сопровождающими ее особами взяла курс к стоявшей отдельно придворной яхте.

В шканечном журнале бомбардирского корабля «Гром» осталась следующая запись: «В начале пятого часа с корабля “Евстафий” изволила отбыть Ея Императорское Величество на яхту “Екатерина”. С корабля “Евстафий” отдавали подобающую честь постановлением команды по вантам и штангам, игранием музыки и кричали “Виват” 11 раз, а со шлюпки Ея Императорского Величества ответствовали 3 раза».

Проводив царицу, Спиридов вновь собрал офицеров и команду флагманского корабля на шканцах. Сглотнув горечь обиды, он обратился к строю с краткой речью:

– Я хочу не токмо поздравить вас с выходом в первое столь дальнее путешествие флота нашего, но также изъяснить те обстоятельства особые, в коих нам находиться предстоит. Я говорю не о вашем рвении службе, которое мне несомненно, а о том, чтобы каждый из нас, кроме сего рвения, нес в сердце своем любовь к Отечеству нашему. Мы плывем в далекие моря, нас ждут баталии и смерти. Будем же достойны величия России, наказов Великого Петра и славы флота нашего! Не посраим чести моряков российских! Ура!

Затем адмирал Мордвинов, согласно повелению Екатерины, пожаловал капитанов Самуила Грейга и Ивана Барша бригадирскими чинами. Тоже авансом!

Контр-адмирал Самуил Грейг

Сразу по роспуску строя засобирался Мордвинов на берег, ссылаясь на неотложные дела.

– Говорил тебе, прикуси язык, так все-таки ляпнул на свою голову! – сокрушался он. – Себя жалеючи, кверху не плюют, Гриша!

– Говорить бедственно, но и молчать тяжело! – Спиридов был зол. – Осточертело угодничество гнусное!

– Ладно, – перевел опасный разговор на другое осторожный Мордвинов, – назавтра поутру выгоняй эскадр свой к Красной Горке, сам же ко мне в Кронштадт, будем ждать инструкции секретные по сношению с державами европейскими, мимо коих тебе плыть надлежит.

Проводив Мордвинова, задержался Спиридов у фальшборта. Раскрыл табакерку, не торопясь, набил табаком трубку, пальцем его уплотнил. На серебряной табакерке маслом писанный портрет царя Петра в венках лавровых, по сторонам от него сцены из баталий громких: Нева, Гангут, Эзель и Гренгам. Табакерка эта Спиридову еще стариком Бредалем дарена.

Рядом с адмиралом капитан «Евстафия» Круз, багровый и потный от пережитых волнений. Захлопнул Спиридов табакерочку любимую, в карман положил.

– Что ж, – обернулся он к Крузу, – дело царское – повелевать, а наше моряцкое – по морям плавать. Подымай, Александр Иваныч, сигнал к съёмке с якорей!

Сообщения с театра военных действий за июль 1769 года:

19 июля. Утром турки в количестве 20 тысяч человек начали переходить вброд через Днестр, чтобы воспрепятствовать предполагаемой нашими войсками переправе. Начальник передовых русских войск князь Прозоровский неожиданно ударил по неприятелю с двух сторон – гусарами и егерями – и опрокинул его. Картечный огонь артиллерии dokonчил поражение противника, который, не думая уже более об отпоре, старался только со всею поспешностью убраться, причем значительное число его потонуло, до 400 человек было убито и много ранено, отбито 2 знамени. У нас потери состояли из 38 человек убитыми и 42 ранеными. В деле отличился генерал-майор и камергер Потемкин.

2 июля. Русскими войсками, блокировавшими крепость Хотин, отбита попытка крымского хана пробиться в крепость.

26 июля. Сильный турецкий отряд после ожесточенного сражения прорвался в Хотин, доставив туда обоз с припасами.

Глава шестая

*Колумб российский через воды
Спешит в неведомы народы...*

М. Ломоносов

В тот же день, повинуясь приказу, эскадра покинула Кронштадтскую гавань и, подойдя к Красной Горке, стала там на якорь. В Кронштадте оставались теперь лишь спешно догружавшийся припасами «Святослав» да ожидавший командующего пакетбот «Летучий».

На время отсутствия адмирала начальствовать над эскадрой было велено бригадиру Самуилу Грейгу.

Стоя у Красной Горки, приняли корабли на борт Кексгольмский пехотный полк и армейскую артиллерию, погрузили быков черкасских. Кексгольмцы грузились весело, с полковой песней:

*Вновь нам турки угрожали,
Вновь кексгольмцев к ним послали
Власть султана расшатать,
Греков к бою поднимать!*

Дополнительно загрузили в трюмы линейных кораблей пять полугалер и два плашкоута в разобранном виде.

Помимо стоявшей на якорях эскадры, распустив паруса, прошел в гудении парусов отряд кораблей контрадмирала Андрея Елманова. По плану, соединившись с зимовавшими в Ревеле кораблями, он должен был образовать так называемую Резервную эскадру, которой надлежало поджидать Спиридова, крейсируя между Дагерортом и островом Гогланд, а потом сопровождать его через все Балтийское море.

Сидя в кресле, Грейг рассматривал проходящие мимо корабли сквозь линзы зрительной трубы. Настроение у бригадира было великолепное. Порученную ему амбаркацию он провел успешно, и теперь оставалось лишь ждать дальнейших указаний. Мимо в гудении парусов промчался концевой елмановский фрегат «Святой Сергей», с него махали руками.

– Все! – Грейг сложил трубу и, поднявшись, принялся прохаживаться, тяжело ступая по дюймовым палубным доскам. Незаметно для себя он начал напевать под нос старую песню английских моряков о боцмане Булле, которому сам черт не брат в любви, пьянстве и абордажных драках от Ливерпуля до самой Ост-Индии. – Йо-хо-хо и бочонок рома! – забывшись, бригадир что есть мочи притопнул в конце припева ногой.

Вахтенный лейтенант с удивлением поглядел на своего капитана, но Грейг уже с каменно-равнодушным лицом спускался в каюту. Там, откушав любимого порриджа – жидкой овсяной каши – и скинувши камзол, он развалился на диване. Закрыв глаза, бригадир предался раздумьям.

В России ему, определенно, нравилось. Здесь Грейг получил должность и почет, высокий чин и хорошие деньги, все то, к чему ему, сыну бедного шотландского моряка, было невозможно пробиться в Англии. Здесь, наконец, он встретился с юной дочерью владельца Петербургского канатного завода Сейрой Кук, двоюродной сестрой его старого товарища, известного кругосветчика Джеймса Кука. Россия дала ему все: карьеру, признание и любовь...

* * *

Еще в неполные пятнадцать лет записался Самуил Грейг волонтером в королевский флот. Исходил все моря и океаны, дрался во многих сражениях, стяжал себе славу первого храбреца в памятном для англичан бою у Бель-Илля. Но за тринадцать лет службы дослужился лишь до лейтенантского чина. Так бы и прозябать ему до конца службы своей на каком-нибудь худом суденышке, если бы не внезапное известие из далекой России о том, что императрица Екатерина приглашает к себе на службу морских офицеров. Терять Грейгу было нечего, и скоро, получивши разрешение на переход от короля Георга, он отбыл в неведомую страну вечных снегов.

Екатерина иностранцев ценила высоко, на деньги не скупилась. Сразу по приезде в Петербург получил Грейг от нее чин капитана 1-го ранга и новейший фрегат под команду.

Толковый и опытный моряк, он сразу развернул в России кипучую деятельность: то и дело составлял прожекты по нововведениям в парусах и корабельной архитектуре, предлагал изменения и улучшения в морской службе, в образцовой исправности содержал вверенное судно. Благоволили к Грейгу сами братья Орловы.

Смущало бригадира в России лишь одно: в здешней флотской среде царили свои, не понятные ему традиции. Нет, русские тоже верили в порядок ведения батальи в линиях кильватерных колонн, также чтили основы линейной тактики монаха Госта. Однако, когда речь заходила о неукоснительном соблюдении линейных догматов, моряки российские только рукой махали.

– Всего наперед не угадаешь. Биться следует, исходя из случаев имеемых, то нам еще Петром Великим завещано!

Этого-то Грейг понять никак не мог, а потому и мрачноват бывал частенько. Вот и сейчас он рассуждал сам с собою, пытаясь докопаться до истины.

Морские войны во все времена требовали особого искусства. В древности триеры и триремы крушили друг друга таранами. С появлением парусных флотов самым главным в сражении стало умение вовремя поймать ветер. Поначалу на флоте бились, кому как Бог на душу положит, каждый корабль сам по себе. Затем голландцы придумали кильватерный строй, когда каждый корабль следует «в струе» идущего впереди. С этих времен и начался знаменитый «гусиный марш» парусных флотов, растянувшийся на долгие века. В конце концов от капитанов стали требовать только одно – сохранить свое место в общей линии. Всякая инициатива была объявлена крамолой и каралась нещадно. Первыми зашли в тупик англичане. Запуганные наказаниями, британские флотоводцы стали бояться хо тя бы на букву отступить от инструкций адмиралтейства, но и это не помогло: вместо побед следовало одно поражение за другим.

Навсегда запомнил Грейг дождливый мартовский день 1757 года, когда он, совсем еще юный мичман, присутствовал при расправе над адмиралом Бингом. Адмирал исполнил все параграфы данной ему инструкции, но, несмотря на это, бездарно проиграл сражение французам у острова Минорка. Состоялся суд, и флотоводец был приговорен к смертной казни.

Ровно в полдень из отведенной ему каюты на линейном корабле «Монарх» появился осужденный. Приподняв шляпу, он раскланялся с капитанами судов, собранными в шлюпках на Спитхедском рейде.

На шканцах его поджидал взвод морских пехотинцев с ружьями к ноге. Бинг, не торопясь, встал на колени и с минуту молился. Солдаты взяли ружья наперевес. Затем адмирал последний раз взглянул на серые волны и такое же серо-пасмурное небо и резко подбросил кверху платок – сигнал к залпу. Грохнули выстрелы, и шесть пуль изрешетили сердце...

«За что?» – не мог найти ответа оглушенный произошедшим Самуил Грейг. «За что? – задавали себе вопрос английские моряки. – В чем причина зла?» Позднее, уже перед самым

убытием в Россию, будучи проездом в Бедфордшейне, родовом имении Бинга, Грейг пришел на могилу расстрелянного адмирала, под флагом которого плавал в молодые годы. Хмурая белесые брови, вчитался в выбитую на камне надпись: «К вечному стыду общественной справедливости. Джон Бинг, эсквайр, адмирал синего флага, пал жертвой политического преследования 14 марта 1757 года, когда храбрости и верности было недостаточно, чтобы обеспечить жизнь и честь морского офицера».

Возложив цветы, он в тягостных раздумьях покинул могилу. Самуилу Грейгу так и не суждено было узнать истинную причину трагедии адмирала Бинга, трагедии всего английского флота...

А жизнь не стояла на месте. В то время, когда англичане в бессилии расстреливали своих лучших флотоводцев, русские моряки в жестоких баталиях громили вражеские флоты, с моря штурмовали неприступные крепости, пешком по льду целыми армиями переходили моря. «Небывалое бывает!» – выбивали они на своих медалях в назидание потомкам...

Сразу по приезде в Россию попытался Грейг поучать кронштадтцев всем тонкостям английского морского искусства. Говорил долго. Капитаны российские слушали молча, не перебивая, а когда он закончил, так же молча поднялись и разошлись. С тех пор с поучениями Грейг стал осторожен. Но это в прошлом, а сейчас капитан бригадирского ранга, лежа на диване, прикидывал, как лучше зарекомендовать себя в предстоящей экспедиции.

Сообщения с театра военных действий за август 1769 года:

8 августа. Отряд секунд-майора Зорича, высланный к Дубоссарам, захватил это местечко. В то же время, увидев за рекою неприятельские табуны, человек сто наших удалцов бросились вплавь через реку и перегнали с собою несколько табунов.

11 августа. Кошевой запорожский атаман захватил деревню Гаджан-Гассан, лежащую в 15 верстах от Очакова, при этом были освобождены 64 пленных христианина.

17 августа. Узнав о появлении у стен Очакова запорожцев, турки выслали против них из Очакова сильную партию. В тот же день между Джеснарлей и Янчокраком произошло сражение турок и запорожцев. Неприятель был разбит, потеряв убитыми до 200 человек и 8 знамен. Наш урон составил всего 8 казаков.

24 августа. Граф Румянцев получил высочайшее назначение его главнокомандующим Первой армией на место князя Голицына и о назначении главнокомандующим Второй армией графа Панина.

30 августа. Татары напали на один из наших форпостов на Орели и окружили его. Но стоявший на форпосте Харьковского гусарского полка капитан Климеев пробился через неприятеля и отступил к крепости Святой Парасковии.

Почти целую неделю проторчал Спиридов в Кронштадте, поджидая обещанные инструкции. Наконец их доставили. Накануне выхода Средиземноморской эскадры на внешний рейд Кронштадта адмирал распорядился всем готовым к плаванью судам поднять¹⁰ прежде восхождения солнца... «военные обыкновенные вымпела, а по восхождении солнца флаги и гюйсы», не готовым к плаванью ни вымпелы, ни флаги поднимать не разрешалось. Уже садясь в шлюпку, увидел адмирал вечно пьяного кронштадтского коменданта Шванвича, давнего недруга братьев Орловых. Не раз выкидывал их здоровенный Шванвич из кабаков, а как-то и шпагой к лицу Алексея Орлова приложился хорошо.

– Прощайте, Григорий Андреевич! Да при встрече поклон мой Алехану. Не дорубил я его, так, глядишь, на радостях, что жив остался, он и басурманина одолеет!

И, неуверенно ступая, комендант побрел куда-то по одному ему ведомым делам.

¹⁰ Первая Средиземноморская эскадра насчитывала 640 орудий. Общее число личного состава кораблей и судов – 3011 человек. Помимо этого на кораблях и судах эскадры были размещены 2571 человек десанта. А.Г. Спиридов (1753–1828) – адмирал, участник Первой Архипелагской экспедиции и русско-шведской войны 1788–1790 годов. Впоследствии военный губернатор Архангельска, главный командир Ревельского порта.

Шлюпкой Спиридов добрался до пакетбота. При адмирале адъютантами два его сына: старший – Андрей и младший – Алексей.

У Алексея в руках связка книг: Квинт Курций и Тацит, Ливий и Вольтер. Младший Спиридов – не только книгочей заядлый, но и сам изрядный сочинитель.

Пакетбот «Летучий», воздев паруса, помчал адмирала с сыновьями к эскадре. Над форштевнем пакетбота распростер крылья летучий конь – Пегас.

Секретные политические инструкции надлежало вскрыть не ранее, как выйдя из Финского залива. В высочайшем же ордере, объявленном адмиралу перед самым убытием на пакетбот, приказывалось: «Провести сухопутные войска с парком артиллерии и другими военными снарядами для содействия графу Орлову, образовать целый корпус из христиан к учинению Турции диверсии в чувствительнейшем месте; содействовать восставшим против Турции грекам и славянам, а также способствовать пресечению провоза в Турцию морем контрабанды».

Корабли встречали командующего орудийным салютом. Спиридов привез с собою на эскадру и некоторое количество греков, взятых в плавание переводчиками и лоцманами. Передавая их на корабли и суда, велел адмирал зачислить греков на унтер-офицерскую порцию, обходиться с ними ласково и насмешек не чинить, а капитанам наблюдать, на что эти греки способны.

На бомбардирский корабль «Гром» доставили уроженца Мореи Дементария Константинова, моложавого и подвижного грека. За отсутствием свободных мест подселили его в констапельскую, где обитали мичмана Дмитрий Ильин и Василий Машин.

Матросы громовские, знавшие, что плывут спасать единоверцев греков от окаянных басурман, ходили за Дементарием толпой, говорили, каждый в свою «кашу» приглашая:

– Мы, брат, к тебе не на блины плывем, а с туркой поганой биться. Когда приплывем, будешь нам подмогу чинить, а пока ешь, пей да силов набирайся!

Меж тем присутствие больных на эскадре и большая скученность уже давали себя знать. Вскоре на «Громе» обнаружили и первого покойника. Им оказался молоденький рекрут. Берег был рядом, потому покойника свезли туда и предали земле. Зарывая могилу, матросы горестно вздыхали:

– Лежи, земля, на нем легким перышком!

– Эко паре повезло, в своей землице, что в перинке, а нас где в воду покидают, один Господь ведает!

В тот же день подошедший из Кронштадта бот снял с кораблей тяжелобольных. Мордвинов слово свое сдержал, но болезнь уже пустила глубокие корни.

Утром следующего дня на фор-стенге «Евстафия» подняли молитвенный флаг – сигнал «К походу быть в готовности». Теперь эскадра ждала лишь попутного ветра. Люди с надеждой поглядывали на длинные косицы вымпелов. Адмирал вызвал к себе капитанов бывших при эскадре лоцгалиотов «Кронштадт» и «Кронверк».

– Гнать вам по всем фаросам, вплоть до Дагерорта, – строго наказал он, – и мой ордер передавать, чтоб в ночное время все огни зажжены были ярко!

– Есть! – дружно ответили плечистые капитаны и тотчас рванули в открытое море.

Наконец-то на их долю выпало настоящее дело. Не весь же век солонину с сухарями возить!

«Грому» Спиридов поставил задачу особую. Не дожидаясь остальных, сниматься с якоря и идти в Балтику искать Резервную эскадру.

– От сих и до сих! – царапнул он карту ногтем от Дагерорта до Гогланда. Когда Перепечин вернулся от адмирала, Ильин усердно командовал натяжкой вант и штагов.

– Кончай живее! – бросил ему капитан «Грома». – Будем сниматься!

– Наконец-то, – обрадовался Ильин, – дождались! – И уже матросам громко: – А ну, навались, служивые!

На исходе девятого часа пополудни, выбравши якорь и обождав посланную на «Евстафий» шлюпку с рапортом об уходе, «Гром» наполнил грот-марсель и, неся все попутные паруса, покинул Красногорский рейд. За бортом плясали серо-зеленые волны.

– Ну, господа, двинули! От всей души поздравляю! – обратился к офицерам Перепечин.

Те отвечали вразнобой, но весело:

– Прощевай, матушка Русь, я к теплу потянусь!

Поодаль с тоской всматривались в исчезающий, и для многих навсегда, родной берег сбившиеся в сиротливую кучку матросы.

– Поплыли, видать, к басурманам в гости, а землицы нам своей и не видывать боле! – делились они промеж себя.

Над мачтами пронзительно кричали чайки.

Часть вторая Путеплавание

Глава первая

*В шумящих берегах Балтийских
Веселья больше, нежель вод,
Что видела судов Российских
Против врагов счастливый ход.*

М. Ломоносов

Нечасто вырывались в то время российские корабли на просторы дальних морей. Первым проложил курс к чужеземным берегам петровский фрегат «Армонт», посланный царем по посольским и торговым делам в Венецианскую республику. Одновременно готовилась и экспедиция к Мадагаскару-острову.

А у Пиренейских гор уже маячили корабли Ивана Кулешова. Махнул канонирам Кулешов.

– Давай!

Ударили, переполошив чаек, чугунные пушки, салютуя крепости Гибралтарской. Подивились флагам андреевским англичане, призадумались...

С тех пор прошли десятилетия. И вот теперь русская эскадра покидала балтийские воды, чтобы громить в далеких морях ненавистных врагов державы. Они уже плывут, воздев свои белоснежные паруса, не ведая, что ждет их впереди, но готовые ко всем испытаниям.

До десятка раз за вахту будут взбираться матросы по обледенелым вантам и, яростно балансируя на головокружительной высоте, делать свое нелегкое дело. Четыре часа в поднебесье. Короткий отдых – и вновь они наверху, у проносящихся мимо туч. Какая сила, какая воля нужны, чтобы в неистовстве шторма взять рифы на гроте? Какое мужество и вера в победу должны быть у людей, которые, отчаянно барахтаясь в такелаже, упрямо лезут вверх?

Им будет тяжело, ох, как тяжело! И все же никто из них ни за что не покинет своего поста, покуда будет биться его сердце. За трусость – смерть. Таков суровый, но справедливый закон палубы.

На каждом шагу отважных мореплавателей будут подстерегать бури и рифы, смертельные болезни и беспощадные враги. Они будут валяться в горячечном бреду среди мириад крыс, рвущих изо рта последний кусок солонины, пить зловонную воду и, харкая кровью, выплевывать последние зубы. Европа назовет их безумцами, но они все равно будут направлять форштевни своих кораблей к заветной цели!

Итак, отслужив по стародавней традиции прощальный молебен, эскадра начала плавание.

Головным, ловя в паруса попутный брамсельный ветер, шел флагманский «Евстафий», на грот-стеннге его полоскался адмиральский флаг. Следом в крутом бейдевинде – остальные.

Осталась позади песчаная коса Котлинская, отступили вдаль ораниенбаумский и сестрорецкий берега. За Гогландом моряки бросали Нептуну медные полушки – дань за благополучное плавание. Впереди была Балтика!

На выходе из Финского залива с передового корабля увидели лежащий в дрейфе «Гром». Невдалеке от него переваливалась с волны на волну «Азия» – линейный корабль Резервной эскадры вице-адмирала Андерсона¹¹.

– Алло! На «Азии»! Где эскадр Резервный? – в рупор запросил капитана корабля Спиридов, едва они сблизилась на голосовую связь.

– Намедни в шторм разминулись! – бойко ответили с «Азии».

– М-да, негоже получается, – поморщился адмирал, – не успели отплыть, как все уже порастерялись. Ну, да делать нечего, будем до кучи собираться. На шканцах флагманского корабля наскоро посоветовались, как быть дальше. По хитроумному замыслу Екатерины II обе эскадры должны были обязательно встретиться в море и только после этого вместе следовать до Копенгагена. Но море внесло свои поправки. На момент выхода Средиземноморской эскадры в море корабли вице-адмирала Андерсона, выдержав два жесточайших шторма, приводились в порядок в бухте Тагелахт, что в северной части острова Эзель.

– Где думаете искать корабли ревельские? – прокричал на «Азию» флаг- капитан Плещеев.

– Должны к норду держаться! – помедлив, доложили с линейного корабля.

– Ладно, – решил Спиридов, – будем искать Андерсона к норду. На «Азию» ж передайте... – Адмирал обратился к флаг-капитану, – Плыть на зюйд-вест да смотреть там обстоятельно! А к Гогланду пошли фрегат «Гремящий», пусть там еще разок глянет!

Скрипя штуртросами, «Евстафий» плавно лег на развороте. За ним в кильватер, забирая парусами ветер, поворотила на норд и вся эскадра. На месте недавнего рандеву остались лишь «Гром» да транспортные суда. Им надлежало сторожить Резервную эскадру здесь.

Пока Спиридов безуспешно искал потерявшиеся корабли у Гогланда, бомбардирский корабль, лежа в дрейфе, ждал дальнейших указаний. Было свежо, «Гром» мотало из стороны в сторону.

– Эко буйны ветры море глубокое пораскачали, душе тошно! – вздыхали матросы, на мутные волны глядя.

Едва выпадала свободная минута, собирались они послушать, как поет песни свои грек Дементарий. Пел грек большей частью песни длинные и грустные, пел их и плакал.

– Чегой-то плачешь, сердешный? – участливо спрашивали его. – Да и об чем песня твоя?

– Эта такая песня, – смахнул слезу Дементарий, – что всяк, кто ее поет, плачет за свое Отечество. А поется в ней, как одна птица сидела, а потом полетела далеко-далеко; летит через горы, через море, через лес и туман и все летит, летит, далеко летит и опять летит...

– Это-то ясно, дале что? – допытывались матросы.

– Как что? – немало удивился грек Дементарий. – Потом и прилетела!

– Ну, а потом что?

– Ничего, дальше конец песне.

– Так что ж тут грустного?

– Э! – махал рукой разобиженный Дементарий Константинов. – Я ж говорю, что по-русски ничего, а по-нашему очень даже жалко!

Так время и коротали.

А спустя двое суток подошел присланный адмиралом фрегат «Надежда Благополучия». Капитан фрегата, как старший по званию, поднял отрядный брейд-вымпел и, велев зарифиться, повел суда к Борнхольму.

¹¹ П.П. Андерсон на русской службе с 1736 года. Длительное время командовал различными кораблями, был директором адмиралтейской канторы. С 1764 года – контр-адмирал, с 1769 года – вице-адмирал. Командир Ревельского порта. В 1770 году уволен в отставку.

До конца вахты оставалось совсем немного времени, и мичман Ильин с удовольствием любовался занимающимся восходом солнца. В лицо ему хлестал упругий ветер, тонко свистели обтянутые ванты, над головой нервно бился длинный и узкий вымпел.

Восемь раз пробил судовой колокол – смена вахт. С последним ударом на палубе появился и сменщик Василий Машин. Не торопясь, сдал ему Ильин курс и паруса, рассказал, сколько миль пройдено за вахту да сколько воды из трюма натекло. Позевывая в кулак, глянул Кощей Машин в шканечный журнал. Там все записано и подбито исправно. Хорошо!

Заступающий матрос подошел с наветренной стороны к колесу и, встав позади рулевого, положил левую руку на рукоять штурвала.

– Курс?

– Вест!

– Как ходит руль?

– Полтора шлага под ветер!

– Есть курс вест! Руль ходит полтора шлага под ветер, – скороговоркой повторил заступающий и принял штурвальное колесо из рук в руки.

Ильин еще немного постоял с Машиним. Негласные корабельные традиции не позволяли офицеру, сдав вахту, сразу покидать шканцы.

– Ну, ладно, друг любезный, паруса и снасти в твоей власти! Пойду-ка я сосну часок.

В тесной и сырой констапельской тускло мерцал сальный огарок свечи. У стола, сгорбившись, сидел Дементарий Константинов. Перед ним книга с затертыми до дыр листами. Стараясь не шуметь, присел Ильин на скамью рядом.

– Почитай вслух, – попросил погодя, – ничего, что по-вашему писано, я душой пойму!

– Тогда слушай, – оторвался от книги Дементарий, – здесь обо мне сказано:

... Сам ты избегаешь смерти.

Но бедственно в дом возвратишься, товарищей в море всех потеряв на чужом корабле. И не радость там встретишь: буйных людей там найдешь ты, твое достояние губящих... Дементарий поднял на мичмана свои грустные глаза.

– Это Гомер, певец наш несравненный!

Ровно без минуты шесть на четвердеке «Грома» замаячила коренастая фигура корабельного боцмана.

– Дозвольте побудку отсвистать? – Боцман подошел к вахтенному начальнику.

Машин молча кивнул, просьба эта излишняя, но таков порядок.

Поднес боцман дудку к губам и, страшно надувая щеки, пронзительно засвистел.

Боцман встает и дудку дает

Мигом всем вставать и койки закатать!

Сразу полезли из люков матросы, зашлепали босыми ногами.

Опять отсвистела дудка, но теперь команду иную:

Иван Кузьмич, бери кирпич,

Драй, драй, драй!

Началась малая утренняя приборка. Порошком кирпичным драили матросы до блеска медь, доски палубные до желтизны янтарной. Качество работы проверялось просто. Бросал небрежно вахтенный офицер платок свой, затем поднимал, если чист – хорошо, грязный – переделать.

Не успели дух перевести, снова дудка. На этот раз свистел боцман к кашнице. Побежали артельные с бачками на камбуз. Сегодня вторник, а значит, положена служителям на завтрак каша густая, мясом заправленная. На брезенте разложили артельщики сухари ржаные, расставили чайники со сбитнем горячим, посреди медный бак с кашей. Расселись матросы «по кашам», вынули ложки и, достоинство соблюдая, за еду принялись. Котел общий, потому и черпают так, чтобы всем поровну, и сухариками заедают. К личинкам долгоносика за недели

плавания привыкали, как к неотъемлемой начинке, и не слишком усердствовали в выбивании их. Да и чего привередничать, мясо, оно и есть мясо!

Едят матросы, вроде бы не спеша, а все же поторапливаются. Вот-вот дудка к учению свистнет, тогда не до еды будет...

С попутным ветром транспортный отряд быстро добежал до Борнхольма. Поджидая главные силы, суда лавировали в оконечностях острова, близко к нему не приближаясь.

Тем временем, уйдя к северу, Спиридов крейсировал с кораблями взад- вперед от Гогланда до Фаре.

– Не могли же они враз потопнуть? – злился он. – Хоть кто-то да должен объявиться...

Подле адмирала крутился, заглядывая в глаза, капитан-лейтенант Виллим Фондезин¹². Спиридов подхалимов не терпел и теперь искал предлог, чтоб избавиться от не в меру услужливого адъютанта:

– Сгоняй шлюпкой на «Орел» и извести Клокачева о моем неудовольствии от его маневров!

Фондезин пожал плечами – совсем старик из ума выжил, – стоит ли за этим гонять шлюпку. Но, встретив тяжелый адмиральский взгляд, опрометью кинулся исполнять приказание.

Так, в эскадренных делах и заботах проходили дни. Уже догнал эскадру задержавшийся у Красной Горки «Святослав», а Андерсона все не было. Адмирал почти сутками пропадал наверху. Расхаживая по шканцам, он вглядывался вдаль: не мелькнет ли где долгожданный парус?

Наблюдая как-то за работами корабельными, заметил Спиридов пожилого боцмана с серьгой в ухе, что, собрав подле себя в кружок рекрутов, терпеливо учил их вязать морские узлы. Лишь мгновение какое-то морщил адмирал лоб, припоминая.

– Здорово, Евсей, поди-ка сюда!

– Здравия желаю, ваше превосходительство! – вытянулся, подбегая, старый марсофлот.

– Будет тебе, старина! – махнул адмирал рукой. Знались Спиридов и Евсей еще с азовских славных дел. Был тогда нонешний адмирал в чинах скромных лейтенантских, а боцман евстафиевский и вовсе рекрутом зеленым. Затем несколько кампаний отплавали они вместе на Балтике. Еще раз повстречались уже под Кольбергом-крепостью, где оба в десанте морском сражались. Там Евсей и рану тяжелую получил, но первым на бастион вражеский взобрался, а Спиридов на том бастионе самолично флаг Андреевский водрузил...

Подошел к боцману адмирал, обнял его и расцеловал троекратно.

– Спасибо, Евсей Нилыч, за Кольберг!

Непонимающе смотрели на происходящее офицеры, изумленно – матросы. Нечасто такое видеть доводилось!

– Как здоровьице-то твое, старина? – поинтересовался, выпуская из объятий старого соратника, Спиридов.

– Ничего, иногда лишь хватанет спину, а так дотянем помаленьку. С флота все одно иттить некуда. Родня в деревне вся, почитай, перемерла, да и от землицы уже поотвык я, так что буду на кораблях помирать!

– В годы-то молодецкие не такие разговоры водили мы с тобой, а? – Адмирал подобрал живот, подбоченясь. – У меня, почитай, то же самое: как стрельнет поясницу, хоть волком вой. Да и ноги слабы стали, по трапам бегать тяжело.

¹² В.П. Фондезин – адмирал, участник Архипелагской экспедиции. Позднее командовал рядом кораблей Балтийского флота, был командующим Азовской флотилией. В начале русско-шведской войны 1788–1790 годов командовал отрядом кораблей в Копенгагене, но был снят за преступную бездеятельность. В последующие годы занимал ряд береговых должностей. Впоследствии был назначен главным командиром Черноморского флота и членом адмиралтейств-коллегии. Уволен с флота в 1809 году.

– Стареем, видать, ваше превосходительство Григорий Андреич, – покачал головой Евсей.

– Вот дотянем путеplавание сие, покажем молодым, как воевать должно, и с чистой совестью в кущи райские подадимся. Как мыслишь, Евсей Нилыч, осилим?

– А чего его не осилить-то? – искренне подивился боцман. – Мы ж расcейские, как-никак!

– Ну, коли, ветераны таковы слова говорят, знать, и впрямь выдюжим! – рассмеялся адмирал.

После встречи той Евсей, что на крыльях летал. Шутка ли, такой почет ему при всех от самого Спиридова вышел!

Погода меж тем с каждым днем ухудшалась. По небу проносились низкие лохматые тучи. Вытянулись в нитку вымпела. А корабли вовсю швыряло на разгулявшихся волнах.

– Придется штормовать, – загрустил Спиридов и велел поднять сигнал «Держаться всем по способности».

А ветер крепчал. На кораблях спешно спускали брам-стенги и брали рифы у марселей, торопливо затягивали парусиной люки. Приседая в глубоких разводьях, «Евстафий» валился с одного борта на другой. Ветер уже не стонал, а ревел во весь голос. Под его напором гнулись стенги, дугой выгибались реи.

Сам Спиридонов, прописным азом ноги растопыря, подле штурвала. При нем флаг-капитан Плещеев и капитан Круз. Сразу шесть человек, выбиваясь из сил, ложились грудью на рулевое колесо, стараясь не дать кораблю стать лагом к волне.

– Держать у меня в бейдевинд, едрена корень! – кричал рулевым осипшим голосом Круз, скользя ботфортами по палубе. – Вон еще один смерти ищет! – показал он адмиралу на шкафут.

Там, держась руками за штормовые леера, пробирался от мачты к мачте боцман Евсей. Рискую быть смытым за борт, он придиричиво оглядывал, все ли в целости. Внезапно огромный вал накрыл корабль. Мимо ухватившегося за фальшборт боцмана в потоке сходящей воды пронесло за борт молоденького матросика. Безумное лицо с полуоткрытым ртом – лицо покойника. В последнее мгновение Евсей все же, изловчившись, ухватил матросика за ногу. Вокруг клокотала вода. Силы боцмана были на исходе, еще немного – и он не выдержит...

Корабль будто вздохнул и медленно, а затем все быстрее и быстрее стал валиться на другой борт. Очнувшись, матросик неистово запричитал:

– Спаси и помилуй, Пресвятая Богородица!

– Не поклоны бить надобно, а башкой своей непутевой думать, герой! Ну, давай, ползи скоренько, не то с другого борта вылетишь.

С трудом разжал Евсей занемевшие пальцы и поспешил к грот-мачте, где рвало ветром во все стороны штормовой стаксель.

По батарейным декам вовсю гуляла вода. Укачавшись с непривычки, валялись вповалку солдаты и армейские артиллеристы.

– Чтой-то, сердешныя, раненько вы онучи сушите! – жалели их матросы. – Ползти бы наверх да «ура» царю морскому покричали, авось полегше бы стало.

Но отводили взор мутный солдаты, слюну горькую глотая.

– Господи! Дай нам силы дожить до дня светлого, когда ступим на землю мы твердую!

А флотским стонать недосуг. Канониры с орудийной прислугой непрерывно крепили пушки таями да брюками. Не приведи Господь Бог, сорвутся, тогда беды не оберешься. В расходившиеся пазы хлестала вода. Плотники и конопатчики наскоро заделывали их пенькой и салом. Обтер лицо рукавом канонир Леха Ившин.

– Эх, море – что горе, красно со стороны! Слушай, ребята, загадку. Что милее ста рублей? Двести!

– Ну, Леха, – улыбались матросы, у пушек орудуя, – достанется тебе на орехи когда-нибудь за язык твой!

– Ничего, кому первая палка, тому и первая чарка.

– Давай, давай, не рассиживайся! – пробежал мимо озабоченный батарейный офицер.

«Как Васька-то мой там сейчас? Выдюжит ли малец?» – думал Ившин, подкладывая под колесо лафета клинья.

Вдруг резкий удар с силой накренил корабль, фальшборт ушел в воду. Бывшие на верхней палубе замерли: встанет ли «Евстафий»? Скрипя всем корпусом, линейный корабль все же выровнялся. Люди облегченно вздохнули.

– На фок-мачте топ свернуло! – закричал адмиралу бывший рядом Круз.

– Рубите мачту, к черту!

У фок-мачты уже возились офицеры и матросы. Обязанный крепким концом, с топором за поясом, упрямо лез вверх по вантам Евсей...

Лишь на следующие сутки к вечеру ветер стал стихать понемногу. Но бед шторм принес немало. Повреждения имели все. «Евстафий» нуждался в смене мачты, а «Святослав» едва не тонул. От ударов волн у него треснули кницы и сильно потек трюм. В дальнейшее плавание линейный корабль уже не годился. Скрепя сердце Спиридов отпустил поврежденные корабли в Ревель: первый – на кратковременную починку, второй – на длительный и серьезный ремонт. Сам же командующий со всем своим штабом перебрался на «Европу». На «Европе» сразу стало тесновато, там, помимо экипажа и десанта, плыл греческий архиерей с изрядной свитой.

Прошло еще два дня. На третий с марсов закричали долгожданное:

– Паруса с зюйда!

То в утомительной лавировке спешила на соединение Резервная эскадра Андерсона. Впереди под вице-адмиральским флагом линейный корабль «Екатерина», за ним «Кир-Иоанн» и «Город Архангельск». По причине малочисленности своей эскадры вице-адмирал Андерсон держал флаг на крюйс-стеннге, а младший флагман Елманов шел под одинарным вымпелом. Играя захождение, Резервная эскадра заняла согласно диспозиции место в арьергардии.

– Курс – Копенгаген! – поднял общий сигнал Спиридов.

Корабли послушно клали рули на вест, а в лоб им хлестал крепкий «мордавинд». Ложась поочередно то на правый, то на левый галс, эскадры едва продвигались вперед.

А вскоре новая беда... Ни с того ни с сего начал палить из пушек концевой «Иануарий». Прибывший с него к адмиралу каперанг Борисов был растерян.

– Пресной воды не имею ни пинты, все бочки полны водою морскою! – огорошил он Спиридова.

– Как? – не понял адмирал. – Что ты мелешь, каперанг!

– Так и есть, – переминался с ноги на ногу Борисов, – как выпили первый ряд бочек да взялись за второй, так все и обнаружилось.

Спиридов молчал, лицо его быстро покрывалось красными пятнами.

– Корсаков! – едва сдерживаясь, подозвал он капитана «Европы». – Ступай в трюм, разбей бочки и опробуй воду. Мне ж чарку сюда на пробу. Корсаков стремглав бросился вниз. В ожидании известий адмирал не ходил, а метался по шканцам. Наконец появился и капитан «Европы».

– Ну? – Спиридов грозно смотрел из-под кустистых бровей.

Вместо ответа Корсаков молча протянул ему чарку воды. Адмирал взял, щуря глаза, поглядел на содержимое, глотнул и, сморщившись, вышвырнул чарку за борт. Все в нем кипело от бешенства. В таком состоянии Спиридова еще никто не видел. Топая ногами, он костерил всех подряд. Остальные подавленно молчали. Немного успокоившись, велел командующий проверить питьевые запасы на всех кораблях своей эскадры.

Пооткрывали капитаны бочки малой руки, что сверху в интрюмах от крюйт-каморы до ахтерлюка понаставлены, – везде вода морская. Вскрыли бочки средней руки, что ниже располагались, – то же самое. Глянули, наконец, в бочки большой руки, что у самого днища камнями обсыпаны для балласта, – и там в такт качке плескалась зловонная соленая жижа. Морская вода была везде.

Так с опозданием вскрылось страшное преступление. Кронштадтские подрядчики, не утруждая себя поездками за пресной водой, наполняли бочки соленой, которую черпали тут же в гавани. Расчет был прост: пока дойдет эскадра до датских проливов, пресной воды хватит, а уж там пусть наливают заново. Кронштадт далеко, Петербург еще дальше, бумаги в исправности, чего еще бояться?

Последствия не замедлили сказаться. Буквально на следующий день пошли от зловонной воды по эскадре болезни и смерти. Вскорости скрутило и самого адмирала. Непросто было в те дни Спиридову. Однако, кривя душой, слал он с оказиями в Петербург бойкие депеши: «Люди... здоровы и веселы; даруй, Боже, чтоб всегда таковы были; да теперь по состоянию погод между учением и дела нет, как только песни поют и играют. Пищу ж имеют все свежую...»

Почему поступил так не привыкший к обману и интригам адмирал, непонятно. Может, хотел поднять свой авторитет в глазах Екатерины, может, наоборот, избавиться наконец от ее упреков и выговоров в свой адрес. Известно одно: письма эти скоро обернулись серьезным обвинением против него самого. Императрица обмана Спиридову не простила.

А на кораблях становилось все тяжелее и тяжелее. Чтобы как-то жить, капитаны кораблей самолично изобретали новые способы получения сносного питья и пищи. На «Иануарии», к примеру, говядину с полдня варили в забортной воде, «дабы с положенным мясом взяла добрый вар», а потом уже ссыпали в этот «балтийский бульон» кашицу и горох, перемешивали все и хлебали перекрестясь. На «Святителях» делали иначе: разбавляли тухлую воду забортной и употребляли единым духом. Но пить все одно хотелось.

– Деды живали – мед пивали, мы ж живем – и воды не пьем! – печалились мучимые жаждой матросы. – Каково житие, таково и питание!

Несмотря на болезнь, Спиридов самолично опробовал всяческие приемы употребления воды. И в конце концов порешил так:

– В сутки давать каждому офицеру и матросу по кружке воды соленой. А чтобы горло не драло да желудки наружу не выворачивало, сию дрянь доливать исправно двумя чарками доброго рому. На раздачу ж назначить офицеров поглазастей!

«Северный Орел» поинтересовался: что делать с порционным вином?

– А что хотите! – ответили с флагамана.

Но Клокачев не унимался:

– Что пить, ежели ром скоро кончится?

– Пейте водку! – был ему лаконичный ответ.

Вновь учрежденный напиток по нраву не пришелся никому. И если офицеры, пример подавая, пили молча, то матросы роптали:

– Петр-царь нашему брату шестнадцать чарок на месяц даровал, так пошто туды тухлятину всякую льют?

Питие потребляли с прибаутками:

– Пьем досуха, чтоб не болело брюхо!

– Эй, Кирила, не отворачивай от чарки рыла!

Самые же ловкие умудрялись порой кружку воды выливать наружу, а ром внутрь. Так было куда приятнее и животу и душе. Воды оставалось на двадцать дней, если же сделать поправку на утечку, то и вовсе на двенадцать или на двадцать восемь суток, если урезать нормы выдачи вдвое.

Несмотря на все переносимые лишения, ежедневно на всей эскадре проходили всевозможные учения. Спиридов торопился сколотить команды и подготовиться к предстоящим баталиям.

То там, то здесь тишину вспарывали гулкая барабанная дробь да трели боцманских дудок, сопровождающих все корабельные экзерциции. Желтые флаги на флагштоках – учения парусные, красные вымпела над флагами – учения пушечные.

Не желая терять понапрасну ни единого часа, распорядился адмирал играть капитанам тревоги по своему усмотрению, когда кому способней будет. Надзор за артиллерийскими экзерцициями осуществлял Иван Ганнибал – цейхмейстер эскадры. Его смуглое лицо с крючковатым, немного приплюснутым носом мелькало по всем кораблям. Разбор учениям проводя, наставлял цейхмейстер капитанов:

– Надлежит дело артиллерийское знать каждому крепко, дабы быть искусным, когда случится против неприятеля действовать!

Орудийную прислугу больше учили примерно потому, как в плавании орудия были попоходному растянуты на таях. Канониров вначале практиковали в пальбе мушкетной, выдавая на каждого по дюжине пуль. Затем, раскрепив по несколько пушек на каждом корабле, обучали вспышкам без пальбы, лишь посыпая порох в затравки.

Плавание продолжалось. У Борнхольма к эскадре присоединились бомбардирский корабль и транспорта. Погода снова испортилась, пришлось отстаиваться за островом на якорях.

– Созывай консилию! – приказал флаг-капитану Спиридов.

Собрав капитанов, зачитал он им императрицын рескрипт. Призадумались все. Рескрипт был начертан столь премудро, что одна его половина противоречила другой.

Первым попросил слово худой и болезненный капитан «Европы» Корсаков:

– Никак нельзя эскадр Резервный нам отпускать. В Копенгаген плыть надлежит вместе и там припасы перегружать. Хотя параграф сей придется нарушить.

– Ничего, Иван Алексеевич, – утешили его тут же, – этот параграф нарушим, зато исполним другой...

Карта перехода эскадры Спиридова из Кронштадта в Эгейское море

Всех выслушал адмирал со вниманием, затем огласил «инструкцию секретную по королевству Датскому, собственноручно Екатериной составленную».

«Относительно к сей короне можете вы на нее совершенно надежными быть и, если бы крайняя нужда была, смело можете входить в ее гавани, ибо мы находимся с Его Датским Величеством в теснейшем союзе».

– Нужда у нас крайняя, – закончив читать, подвел итог Спиридов, – посему повелеваю всем плыть в Копенгаген вместе. Будем пополнять у датчан припасы недостающие. А умники кабинетные пусть потом себе разбираются на здоровье, что да как!

А Балтика все продолжала штормить, несмотря на август месяц. Порывистый ветер отчаянно кренил корабли. Так, без сна и отдыха добрались до берегов Ютландии. За время этого перехода скончались еще двадцать семь человек.

– Все, – говорили на кораблях, – прощевай, море Балтийское!

Из-за противного ветра корабли стали в бухте Кеге, что неподалеку от датской столицы к югу. Хотели водой из ближней речушки налиться, но не сумели, лишь два палубных бота на накате потеряли. А едва развернулись вымпела и флаги в нордовую четверть, пошли эскадры на рейд Копенгагенский.

Копенгаген, Копенгаген – ты раскинулся на перепутье морских дорог, омываемый солеными водами Атлантики и пресным течением балтийских вод.

Русские корабли смело побросали многопудовые становые якоря в муть Эресундского пролива и спустили шлюпки для первого визита на берег.

Глава вторая

Господа, я рад вам в Эльсноре...
Шекспир

Копенгаген, славный город! Стоял когда-то на здешних берегах мрачный замок воинственного епископа Абсалона. Шли годы, и из крепости-убежища превратился Копенгаген в столицу маленького, но крепкого северного королевства. Со стороны моря город примечателен: острые иглы кирх, бесчисленные флюгера над красными черепичными крышами. Хорошо видны замки Шарлоттенбург и Розенбург, здание биржи, сады и мельницы. Российские корабли спустили паруса. Течение в Зунде бурное, поэтому на якоря встали кучно. Невдалеке на рейде датский королевский флаг в восемь двухдечных кораблей. На крьюсбрам-стенге флагмана – контрадмиральский флаг. Подле форта «Тре крунор» еще корабли: то новопостроенные «Ростислав» и «Всеволод» под командой братьев Василия и Лаврентия Лупандиных, идущие из Архангельска в Кронштадт с транспортами.

Не теряя времени, велел Спиридов пополнять эскадру водой. В залитые по планшир шлюпки вставляли парусиновые хоботы ватершлангов, водица шла – только качать успевай!

С берега датским катером прибыл на «Европу» российский посланник при здешнем дворе генерал-майор Михаил Матвеевич Философов. В адмиральском салоне, распечатав бутылку мозельского, принимал его сам командующий.

Передал Философов адмиралу бумаги о производстве ряда офицеров в следующие чины по линии. Затем, сочувствуя, приоткрыл адмиралу глаза на интриги, плетущиеся вокруг эскадры. Слушал Спиридов речи такие и изумлялся. Клевета, которую обрушили на адмирала президент Иностранной коллегии Никита Панин и его прихлебатели, была чудовищна. Смертельный враг Орловых и противник всей войны с турками, Панин вымещал теперь зло на Спиридове только за то, что Екатерина II так и не вняла его советам об отмене Архипелагской экспедиции. Дело дошло до того, что адмирала обвиняли уже не только в обманных депешах, в неумелости, трусости – по столице уже ползли, множились слухи о его измене...

Алексей Орлов меж тем настаивал на скорейшем прибытии в Средиземное море эскадры Спиридова. Он писал: «Если паче чаяния крыла-ветренне (так А.Г. Орлов именовал линейные корабли. – В.Ш.) не пошли, то постарайтесь как возможно поскорее отпустить. Боюсь, что нетерпеливость не преодолела и что назревает, не прорвалось бы к большему беспорядку...

Граф Алексей Орлов

Если паче чаяния не уехал еще наемщик (имеется в виду Г.А. Спиридов. – В.Ш.), то отправляйте как возможно скорее, и оный может прямо ехать в порт Витула; оный лежит в Майне...»

Екатерина II писала в эти дни ему относительно Спиридова не без злости: «Наш первый мореплаватель уже, чаю, далеко уехал, он из-за Ревеля ко мне пишет, что ветры весьма ему способны и что он очень весело плавает, а я в догону к нему послала трех курьеров, чтоб скорее шел вперед...» Свое нетерпение императрица выплескивала в эти дни в письмах к командиру Дунайской армией Румянцеву. В одном из них она писала: «В Леванте все в огне и только, что флота ждут». В другом: «В Леванте, сказывают, все готово к свержению ига нечестивого».

Передал посланник командиру и письмо самой императрицы. Пробежал его глазами Спиридов и побелел от негодования. Екатерина писала: «Когда вы в пути съедите всю провизию, тогда экспедиция ваша обратится в стыд и бесславие ваше и мое».

– Черт с ними! – зло сплюнул адмирал. – Цыплят по осени считают! Меня волнует нынче...

Философов со Спиридовым держался доверительно:

– Добился я за недолгое свое здесь пребывание известных льгот для судов наших, датскими проливами проходящих. Сейчас же веду переговоры тайные о предоставлении нам пользования флотом датским на время войны. Как мыслишь, Григорий Андреевич, не прогадаем ли?

– А что король Христиан взамен себе требует? – заинтересовался новостью адмирал.

– Просит снабдить его флот лесом на десять лет вперед!

– От лесу нас не убудет, а договор сей будет хорош, коли флот датский с умом употребить сможем себе в пользу!

Философов наклонился к самому уху Спиридова. Заговорил шепотом, будто кто-нибудь мог слышать:

– А еще мыслит Христиан вслед за нами выслать в Мидитерранское море противу барбарийцев восемь своих кораблей. Желал бы я искренне, чтобы оные соединились с нами или по крайней мере удержали разбойников морских от вспоможения Порте Османской, посему с договором сиим я и тороплюсь ныне.

Собеседники вышли на кормовой балкон. Там, не стесняясь выражений, поведал командующий о своих бедах, в первую очередь – о порченной воде.

– Всю ее менять, – подытожил он, – это пять-шесть дней стоянки, как ни крути. В Петербурге ж сразу шум поднимется, там мыслят государственно!

– А что, коли в сию гадость рому прибавлять? Ром, он не только крепость духу дает, но и заразу всякую враз отшибает начисто, да и закупить его по дешевке я вам всегда помогу. – Философов был человеком дела.

– Пробовали мы и с ромом, и с водкою, по-всякому, а вот, коли в покупке поможете, за то благодарны будем!

– Тогда по рукам, Григорий Андреевич! – улыбнулся посланник.

Быстро темнело. Над кормовым балконом тяжело нависал зажженный фонарь. Провожая министра до трапа, Спиридов долго тряс ему руку.

К чести Философова, слово свое он сдержал. При его посредничестве уже на следующий день было закуплено триста оксов крепчайшего рому. Окс – мера не малая, а в восемнадцать хороших ведер. Кроме того, по случаю взяли изрядное количество лучшего рейнского уксуса. Погрузку начали с подъема сигнала – голландского флага. Матросы работали с огоньком: ром – это дело!

Порт Копенгаген

В период стоянки Средиземноморской эскадры в Копенгагене произошло первое столкновение между Спиридовым и Грейгом. Поводом к недовольству Спиридова стали самовольные действия капитана бригадирского ранга. Дело в том, что Грейг, узнав о том, что среди датских обывателей ходят разговоры о «тяжелом духе», исходящем от стоящих на якорях русских кораблей (что могло быть вызвано испорченными продуктами и большой скученностью личного состава), превысил права младшего флагмана и в обход командующего отдал приказ по эскадре, где в довольно грубой форме приказал капитанам кораблей и судов принять срочные меры, чтобы нижние чины «в шлюпках не пьянствовали, заслуженные мундиры не продавали, не дрались с датчанами и не лаялись с их офицерами». Узнав об этом приказе, Спиридов немедленно в самой резкой форме его отменил, указав при этом Грейгу на превышение им своих прав. В новом адмиральском приказе было указано лишь на то, что капитанам кораблей и судов следует назначать гребцами в шлюпки наиболее здоровых матросов, одевая их при этом как можно престижней.

На бомбардирском корабле «Гром» указ о производстве зачитывал флаг-капитан Плещеев:

– «Известно и ведомо будет каждому, что мы Дмитрия Ильина, который нам мичманом служил, для его оказанной в службе нашей ревности и принадлежности в наши лейтенанты всемиловнейше пожаловали... Всем нашим помянутого Дмитрия Ильина за нашего лейтенанта надлежащим образом призывать и почитать...»

Вместе с Ильиным получил лейтенантский чин и Василий Машин. Капитану «Грома» Ивану Перепечину было присвоено звание капитан-лейтенанта. Вновь произведенных офицеров торжественно привели к присяге. Снимая треугольные, расшитые золотым галуном шляпы, целовали они поочередно крест и Евангелие. После чего флаг-капитан съехал, а команда продолжила погрузку.

А вечером заскочил на «Гром» попутной шлюпкой Евграф Извеков. Капитану пинка срочно требовался старший офицер взамен заболевшего. Просил он Перепечина отпустить к нему Ильина, но тот заупрямился.

– А я с кем плавать буду? – отвечал он недовольно.

В конце концов удалось уговорить капитана «Грома» на перевод к Извекову просившего туда Машина. На том и порешили.

На берегу Дмитрию Ильину удалось побывать за все время стоянки лишь раз. На «Громе» повредилась грот-мачта и потребовалась кой-какая кузнечная работа. Сняв вместе с корабельным мастером лекала, Ильин свез их в кузню. Только-то и видел, что собаку у порога да мокрые от пота спины кузнецов. Все остальное время участвовал в погрузке.

А Спиридову становилось все хуже и хуже. Адмирал уже не вставал. У изголовья его постели безотлучно сидели сыновья, старший, Андрей, и младший, Алексей, меняли полотенца на воспаленном лбу отца. Здесь же читал молитвы эскадренный обер-иеромонах. Спиридова душил жар, невыносимо ломило суставы, но думал адмирал об ином. Старшим после него на эскадре сейчас оставался бригадир Грейг. Спору нет, Грейг – моряк знающий, но он иноземец. Как доверить ему славу и честь флота? Что скажут Россия, потомки? Адмирал приподнял голову, повел тяжелым взглядом.

– Зовите ко мне Елманова – младшего флагмана ревельского, – велел он сыновьям.

Прибывший контр-адмирал Андрей Елманов, стараясь не греметь шпагой, осторожно присел на дубовый стул подле адмиральской койки. Сыновья деликатно удалились.

– Вот что, Андрюша, – открыл глаза Спиридов, приподнимаясь на подушках, – я, как видишь, едва дышу, а эскадр оставить не на кого. Так что, душа моя, собирай вещички да перебирайся на «Орел», далее поплывем вместе.

– Ясно, Григорий Андреевич, – невозмутимо ответил сразу все уяснивший умница Елманов, – коли надо, о чем разговор!

Вернувшись к себе на корабль, чиркнул он жене письмецо, чтоб в этом году его домой не ждала и на будущий тоже, а вернется он обратно годов этак через пять-шесть.

Через несколько часов контр-адмирал уже поднял свой флаг на линейном корабле «Северный Орел».

А тут из Санкт-Петербурга депеша срочная. В ней черным по белому – взять с собой в плавание контр-адмирала Елманова Андрея Власьевича. Такую же бумагу и Елманову вручили. Улыбнулся Спиридов, усмехнулся Елманов. Что мы, дитяти неразумные? И сами все понимаем!

После ужина работы на кораблях и судах прекращались, капитаны давали командам отдохнуть. Вахтенные офицеры командовали:

– Фитиль открывать. Команде песни петь и веселиться!

А матросы уже вокруг кадок с водой, что за фок-мачтами ставят для курева.

На «Евстафии» за главного балагура Леха Ившин. Подле него всегда толпятся: знают матросы, что у Лехи на все случаи жизни прибаутки имеются. За то и прозвище достойное получил – Кот-бахарь. Сегодня Ившин, собрав вокруг себя молодых кексгольмских солдат, вел с ними разговор умный.

– Все в море-окияне от ветру! – подняв кверху палец указующий, разъяснял он.

– Откель же сам ветер-то? – вопрошали солдаты.

– А вишь, сверху небо, снизу вода, а с боков-то и нету ничего, вот оно и продувает!

Солдаты в знак понимания дружно закивали.

– Но самое страшное на водах морских, братцы, так то туман, – пояснил им далее Леха. – От него все напасти!

Рекруты полка кексгольмского сразу загалдели:

– В деревне тоже завсегда туман поутру, и странного в ем ничего нетути!

– Нетути! – Леха аж глаза выпучил от негодования притворного. – Морской туман – то совсем иное дело, – сказал наставительно, – и сравнивать нечего! Вот лежали мы как-то в дрейфах подле Сескара- острова, – начал он новую байку, – а туман там – во!

Для пущей важности представил Леха на всеобщее обозрение свой жилистый кулак. Рекруты, оглядев кулак уважительно, с таковой силой тумана согласились.

– Постирались мы там, значит, – продолжал Леха, – да портки свои с рубашками для обсушки и поразвесили. А я возьми да гвоздь в туман вколоти, чтоб на него сподручней вешать было. Да хурду свою на шкерту и повесь. Солдаты недоверчиво меж собой переглянулись. Увидев сомнение, Леха не растерялся:

– Это у вас в деревне туман, как кисель, а у нас – во! – И он снова выставил свой кулачище.

Вид кулака рассеял зародившееся было недоверие к правдивости рассказчика, и солдаты теперь уже с опаской озирались на сгущавшуюся вокруг корабля мутную пелену.

– Так вот, не успели мы посушиться, – рассказывал ободренный успехом Леха, – как кричит капитан: давайте-ка, мол, такие-растакые, паруса ставить. Разбежались мы по реям, подняли паруса и поплыли. Гляжу, мать моя родная, а порты с рубахами на тумане так висеть и остались. Через месяц у Сескара-острова галеры наши стояли. Я уж потом спрашивал ихних. Нет, говорят, ни туману, ни портов не видывали. Во, как у нас-то бывает!

– Так и не нашли? – поинтересовался участливо один из солдат.

– Куды там! – махнул рукой Леха. – Поди, к свеям унесло. Носят счас, выставляются!

Сзади хохотали по насаду матросы.

– В твоих-то портах не шибко навывставляешься!

– Ну, Леха, ну, бахарь, врет и не поплеывает!

– Ничего, ребята, – подмигнул солдатам Ившин, – каждая побаска хороша прикраской!

Пожилые матросы, в кружок собравшись, вели разговоры степенные, солидные. Обсуждали увиденное.

Удивлялись здешним тучным хлебом, жнивью густому. Все ухожено, опрятно. Каждая десятка заботливо канавой с водой окружена. По валам, что вокруг полей, кустарник густой да бук с рябиной. Будто и не земля вовсе, а картинка нарисованная.

– Эх, кабы нам своей земли хоть чуток, мы с ней бы и не такой конфет сделали! – печалились вчерашние мужики.

Подошел, трубку покуривая, боцман Евсей. Покачал головой неодобрительно.

– Не о том думу имеете, матросы. Вы бы какую песню лучше затянули. Поутихли матросы.

– Можем и песню, – ответили и завели любимую:

Плакала-рыдала,

Русою косою

Слезы утирала...

Подхватили ее солдаты, и понеслась она над вечерним рейдом от корабля к кораблю. А откуда-то издалека, где в глубинах порта под ржавой вывеской расположился плохонький трактир «Сердитый петух», вторила ей старинная песня датских мореходов, такая же протяжная и печальная.

Скрылось солнце. На рейд заходил, убирая паруса, догнавший эскадру «Евстафий». Кончались еще одни сутки стоянки.

* * *

За день до отплытия король датский Христиан VII пригласил русских моряков на прощальный обед в летний дворец Фридриксберг. Сам командующий, сославшись на недомогание, от визита отказался, а послал контр-адмирала Елманова. С ним отправились и капитаны кораблей. Сыновья спиридовские тоже просились на прием, но отец сказал строго:

– Нечего вам по ассамблеям шляться! Не флагманы вы еще и не капитаны. А должностей таких, как сыновья адмираловы, на флоте нет и быть не может! Уж коли за мной увязались, так будьте при деле, а не при безделье!

И выставил обоих за дверь.

Королевская резиденция, дворец Фридриксберг, строг и величав. Остриями шпилей пронзает он низкое скандинавское небо. Представителей российского флота принимали с почтением. Король самолично показывал капитанам свою кунсткамеру, водил по картинной галерее, рассказывая о каждом из полотен.

– Вот, господа, портрет кисти непревзойденного Эриксена. Не правда ли, изумительная работа?

– Конечно, ваше величество, добрый мастер! – кивали головами капитаны, следуя за королем по длинным коридорам.

За обедом Христиан посадил подле себя Елманова. Тут же пристроился фаворит короля Струэнзе, бывший альтонский лекарь, а ныне всеильный лейб-медик и неофициальный глава датского правительства. Королеву Матильду выпало развлекать Грейгу. Остальные расселись вперемежку с королевскими вельможами. Угощали гостей любимым датским кушаньем – фледредом (пшеничной кашей с малиной). На фарфоровых тарелках, покрытых меланхолической глазурью, уныло брели задумчивые коровы, плыли суда с парусами, полными ветра.

Король Христиан VII молод и азартен. С пухлых щек еще не сошел мальчишеский румянец. На короле свободный камзол, через плечо белая орденская лента. Королева в шитом золотом платье с райфрокком «а-ля франсез» и с модной высокой прической «пуф о сантиман» была под стать своему супругу.

– Первый тост, – поднял Христиан бокал, – я предлагаю в память о царе Петре, государе мужественном и неутомимом. Мы, датчане, хорошо помним его смотр нашему¹³ флоту у Грейфсвальда и совместный поход к Борнхольму. С ответным тостом встал Андрей Елманов:

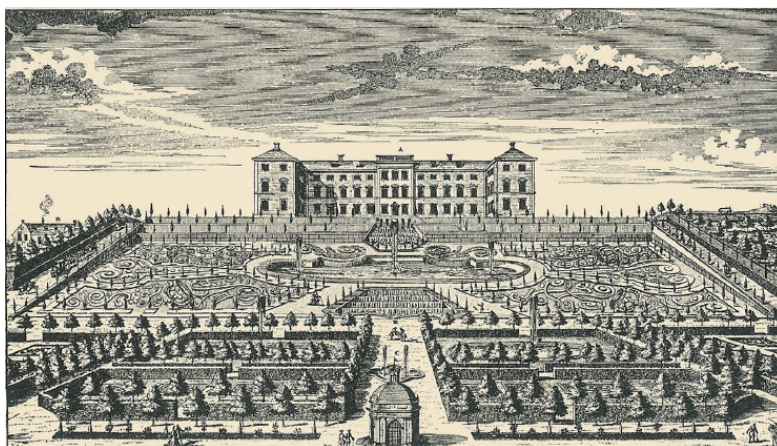
– А мы, моряки российские, хорошо помним и чтим благородный подвиг храброго Турденшолда!¹⁴

Христиан расцвел улыбкой.

– О, да, маленькой Дании есть чем гордиться на морях. Наш флот не так уж и велик, но зато крепок!

Склонясь к контр-адмиралу, король шептал доверительно:

– Я знаю, что Европа злословит над вашим плаванием, но я верю, что русский медведь разорвет турецкого осла! – Пьяно подмигнув Елманову, он вытащил из-за обшлага кафтана бумагу. – Вот перехваченное послание министра версальского Шуазеля посланнику при моем дворе Жерару. Слушайте, что он пишет о вас: «Предприятие сие может иметь столь же несчастный исход, как сама идея его романтична». Каково, а?

Копенгаген. Королевская резиденция, дворец Фридриксберг

¹³ В июне 1716 года Петр I прибыл в Копенгаген для организации десантной операции на побережье Швеции. Вступил в командование русско-датско-англо-голландским флотом. Во главе него он совершил плавание к острову Борнхольм. В августе 1712 года Петр I посетил союзный датский флот в порту Грейфсвальд, где произвел ему смотр.

¹⁴ Петр Янсен Вессель Турденшолд (1690–1720) – известный датско-норвежский флотоводец. В 1716 году в сражении при Дюнекилене наголову разгромил превосходящую по силам шведскую эскадру. Петр Янсен Вессель Турденшолд (1690–1720) – известный датско-норвежский флотоводец. В 1716 году в сражении при Дюнекилене наголову разгромил превосходящую по силам шведскую эскадру.

Христиан громко и весело хохотал. Он был всей душой за Россию, ибо только в тесном альянсе с ней видел защиту от враждебных намерений Швеции с Пруссией...

За дальним концом стола величественно восседала мать Христиана, старая королева Юлианна, исподлобья поглядывавшая на лейб-медика. Пройдет всего полтора года, и по ее приказу Струэнзе будет казнен за любовную связь с невесткой...

У Самуила Грейга с молодой королевой меж тем шел разговор вполне светский. Бригадир, напрягая память, с натугой обсуждал последние парижские моды на кружева и атлас. Молоденькая королева была очаровательна, и Грейг не скупился на комплименты.

– Вы прекрасны, как бегущая по волнам яхта, – вдохновенно басил он.

– Я – яхта? – Королева звонко смеялась.

Уже прощаясь с галантным капитаном, Матильда сказала, обмахиваясь веером:

– О, мы любим Россию! И в знак дружбы между нашими державами вот уже несколько лет стоит в столице храм Святого Александра.

Далеко за полночь вернулся Елманов с капитанами с приема. Спиридов, выслушав его отчет, только хмыкнул.

– Ладно, дела салонные позади, завтра с утра на свои моряцкие навалимся. Иди, спи, дипломат!

Наутро, не теряя времени, началась передача с Ревельской эскадры последних грузов, обратными рейсами свозили больных и немощных. Лишившись сильнейшего восьмидесятипушечного корабля, распорядился Спиридов вместо «Святослава» готовить в плавание новостроенный архангельский линейный корабль «Ростислав». Перетряхнул адмирал и офицерский состав. Одиннадцать самых буйных и бестолковых разогнал, вместо них набрал двадцать семь толковых и исправных.

– Ну вот, кажется, и все.

Последние шлюпки вернулись с берега. С кораблей доложили о готовности к продолжению плавания. Можно и трогать.

Педер Торденшельд

* * *

Европа еще злословила над походом русской эскадры, которая только что выбрала якоря из мути Копенгагенского рейда, когда король Пруссии Фридрих II уже понял все...

По приказанию короля его секретарь де Катт доставил в Сан-Суси средиземноморские карты. И теперь не привычные взору зеекарты валялись в королевском кабинете вперемежку с чертежами Польши.

За окном дворца стоял теплый август, в кронах старых дубов щебетали птицы. Фридрих собирался в поездку в Нейсу.

В самом конце августа там состоялась встреча прусского короля с сыном австрийской императрицы Марии Терезии Иосифом. На ней Фридрих намеревался окончательно склонить наследника венского престола к идее раздела польских земель. И главным козырем в этом деле предстояло стать русской Архипелагской экспедиции.

– Союз Габсбургов и Гогенцоллернов – залог могущества наших держав над славянами, – внушал Фридрих неопытному Иосифу при первом свидании. – Поверь мне, что нынешняя война России с Высокой Портой – наш единственный шанс, и упустить его было бы непрости- тельной ошибкой!

– Да, я понимаю вас, – кивал головой Иосиф. – Но ведь венский двор находится вне вашего «аккорда» с Россией?

– Мой молодой друг, – улыбнулся Фридрих, – аккорд – всего лишь звук, и не более! Надо быть готовым схватить за волосы счастливый случай. Сегодня интересы наших держав совпали, и было бы предательством перед историей, если бы мы, немцы, не протянули друг другу руки в этот решительный момент. Россия – это страшное могущество, от которого скоро затрепещет весь мир, ждать осталось недолго. Екатерина уже нанесла кинжальный удар в под- брюшие Европы, ее корабли сейчас на пути в Средиземное море!

Фридрих II Великий

– Но ведь это очень далеко и не опасно для нас, – удивился наивный Иосиф.

Фридрих, вздохнув, покачал головой. Затем, встав с кресла, он некоторое время расха- живал по комнате.

– Да, – наконец обернулся он к Иосифу, – это уже не опасно, это страшно! Я даже не берусь предсказать, чем может обернуться для всех нас эта морская экспедиция. Европа еще смеется над русскими моряками, но скоро она заплачет слезами кровавыми... И пока они все будут заняты дракой за Средиземное море, мы отломим себе по хорошему куску польского пирога!

– Много ли ваше величество желает отломить? – поинтересовался Иосиф.

– О, нет, мой дорогой, аппетит у меня всегда весьма умерен! Всего лишь Померанию, Вармию, Куявию, часть Великой Польши да еще Поморье с Данцигом.

До первого раздела Польши оставалось всего три года.

Глава третья

*Хвала вам, росски Аргонавты,
Дерзали вы по безднам плыть,
Ревнуя добычи богаты
С своим Отечеством делить.*

Д. Хвостов

Последняя ночь стоянки побаловала наконец мореплавателей более-менее приличной погодой. Ветер упал. Однако уже с утра раннего над Копенгагеном начал скапливаться туман. Призрачно-легкий вначале, он час от часу становился все гуще и гуще. Низкое северное небо затягивалось тучами. Накапывал дождь.

12 сентября 1769 года русская эскадра покидала Копенгаген. Вдали от толп зевак, там, где кончалась столичная эспланада и высились кроваво-красные кирпичные стены морского арсенала, остановилась карета российского посланника. Облокотившись на трость, Философов с грустью всматривался в расплывчатые силуэты кораблей.

– Господи! Спаси их и сохрани. – Посланник широко перекрестил эскадру. В глазах его стояли слезы.

На «Евстафии» распустили фор-марсель и выстрелили один раз, сигнализируя о подъеме якорей.

Съемка с якорей на парусном флоте – дело чрезвычайно трудоемкое и опасное. На каждом корабле по пять больших становых якорей: плехт, дагликс, бухт, шварт и той. По команде шкипера сразу несколько десятков матросов, упираясь в вымбовки, медленно начали выхаживать стодвадцатипудовый чугунный якорь. Толстый пеньковый канат гигантским питоном вползал в свинцовый клюз. Потоками стекал грязный ил. Матросы налегли на вымбовки, и шпиль защелкал быстрее, подтягивая судно ближе и ближе к якорю. Спустя час из волн показался якорный шток. Началось самое сложное – выборка якоря. Этой непростой операцией руководил уже непосредственно старший боцман. Вначале якорь взяли «на кат», зацепив и подтащив талями под крамбол, затем крепкими фиш-талями, захватив один из якорных рогов, подтянули его вверх, пока якорь не завис горизонтально. Только после всего этого его закрепили цепями и концами. Наконец вахтенные офицеры доложили капитанам:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.